

**Колокол святого Юра 6849 года: между Львовом, Плоцком,
Петербургом и Теребовлей [Kolokol svjatogo Jura 6849
goda : mezdu L'vovom, Plockom, Peterburgom i Terebovlej]**

Aleksandr Musin

► To cite this version:

Aleksandr Musin. Колокол святого Юра 6849 года: между Львовом, Плоцком, Петербургом и Теребовлей [Kolokol svjatogo Jura 6849 goda : mezdu L'vovom, Plockom, Peterburgom i Terebovlej]. Княжа доба: історія і культура [Knjaža doba: istorija i kul'tura, Lviv], 2018, 11, pp.95-119. <hal-03222718>

HAL Id: hal-03222718

<https://normandie-univ.hal.science/hal-03222718>

Submitted on 10 May 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

К Н Я Ж А

XI

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ УКРАЇНОЗНАВСТВА ім. ІВАНА КРИП'ЯКЕВИЧА

ДОБА

І С Т О Р І Я І К У Л Ь Т У Р А

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Володимир АЛЕКСАНДРОВИЧ

Леонтій ВОЙТОВИЧ

Віра ГУПАЛО

Олександр СИТНИК

Ігор СОЛЯР

Александр МУСІН

Марта ФОНТ

ЛЬВІВ 2017

УДК 94(477.83-25)“1256/1387”

Княжа доба: історія і культура / [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 2017. – Вип. 11: Княжий Львів 1256–2016. – 256 с.

Збірник присвячено проблемам найдавнішого періоду історії Львова та його широкого історичного контексту. Проаналізовано комплекс історичних та писемних джерел до початків Львова, постаті його засновника і будівничого – князя Лева Даниловича й вірогідну причетність до його заснування короля Данила Романовича, розглянуто спірні проблеми перших десятиліть історії міста та окремі аспекти його історії найближчої післякняжої доби.

Редакційна колегія:

Александрович В., доктор історичних наук
(відповідальний редактор)

Войтович Л., професор, доктор історичних наук
(заст. відповідального редактора)

Гупало В., доктор історичних наук

Ситник О., доктор історичних наук

Соляр І., доктор історичних наук

Мусін А., професор, доктор історичних наук

Фонт М., професор, доктор габілітований

Опубліковано за сприяння Фонду Катедр Українознавства,
освітньої неприбуткової доброчинної інституції (США)

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу
масової інформації КВ № 16443-4915 Р від 19.02.2010

ISSN 2221-6294

© Інститут українознавства
ім. І. Крип'якевича НАН України, 2017

КНЯЖИЙ ЛЬВІВ 1256–2016

До річниці першої писемної
згадки про Львів

КНЯЖА ДОБА

Святослав ТЕРСЬКИЙ

ПОСЕЛЕНСЬКА СТРУКТУРА-АГЛОМЕРАЦІЯ
РАННЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО ЛЬВОВА:
ЗАУВАЖЕННЯ ДО СИСТЕМНОГО ВИВЧЕННЯ
9

Остап ЛАЗУРКО, Микола ШНИЦАР

МАТЕРІАЛИ КНЯЖОЇ ДОБИ В ІСТОРИЧНІЙ
ЧАСТИНІ ЛЬВОВА
15

Володимир АЛЕКСАНДРОВИЧ

ПОЧАТКИ БІОГРАФІЇ КНЯЗЯ ЛЕВА ДАНИЛОВИЧА
ТА ПОЧАТКОВИЙ ПЕРІОД ІСТОРІЇ ЛЬВОВА
23

Леонтій ВОЙТОВИЧ

ЛЬВІВ У XIII СТОЛІТТІ: НОВА СПРОБА
ПОДОЛАННЯ СТАРИХ СТЕРЕОТИПІВ
51

Віталій ЛЯСКА

(БЕЗ)ЛЮДНІ ПОЛЯ МІЖ ЛЬВОВОМ ТА БЕЛЗОМ
У XIII СТОЛІТТІ
75

Александр МУСИН

КОЛОКОЛ СВЯТОГО ЮРА 6849 ГОДА: МЕЖДУ
ЛЬВОВОМ, ПЛОЦКОМ, ПЕТЕРБУРГОМ И
ТЕРЕБОВЛЕЙ
95

Богдана ПЕТРИШАК

УКРАЇНСЬКА ГРОМАДА В НАЙДАВНІШІЙ
АКТОВІЙ КНИЗІ ЛЬВІВСЬКОГО МАГІСТРАТУ
1382–1389 РОКІВ
121

Роман ГОЛИК

(НЕ)ЗНАНЕ МІСТО?: КНЯЖИЙ ЛЬВІВ У
СЕРЕДНЬОВІЧНІЙ, РАННЬОМОДЕРНІЙ ТА
МОДЕРНІЙ КУЛЬТУРНІЙ ПАМ'ЯТІ
129

З М І С Т

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

Володимир АЛЕКСАНДРОВИЧ

“DLACZEGO NIE SPRÓBOWAĆ SZALEŃSTWA”:

КОРОЛЬ ДАНИЛО РОМАНОВИЧ ЯК

OPUNKTOWANA “ISTOTA BIOLOGICZNA”?..

Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.

(Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi

Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy. –

T. 4). – Kraków, 2016. – 412 s., іл.

157

Володимир АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ЩО З НАУКИ ГОМЕРА НЕ ЗАСВОЮЄТЬСЯ НАВІТЬ
ЧЕРЕЗ ТРИ ТИСЯЧІ РОКІВ...**

Гелитович М. Українські ікони XIII – початку XVI

століть зі збірки Національного музею у Львові

**імені Андрея Шептицького: альбом-каталог. – Київ,
2014. – 348 с., іл.**

196

АНОТАЦІЇ 252

SUMMARY 252

Александр МУСИН

КОЛОКОЛ СВЯТОГО ЮРА 6849 ГОДА: МЕЖДУ ЛЬВОВОМ, ПЛОЦКОМ, ПЕТЕРБУРГОМ И ТЕРЕБОВЛЕЙ

Чув дзвін, та не знає, де він
Українське прислів'я

История Свято-Юрского колокола во Львове и связанные с ней сюжеты не укладываются в рамки обычных "интерпретаций непрочитанных источников"¹. Она, скорее, служит примером истории, написанной на основе источников несуществующих. Здесь историографические догадки и их еще более вольные толкования замещают надежные известия о колоколе, прошлом Львова, Свято-Юрского монастыря и соответствующего исторического региона. Как в свое время заметил Юрий Дыба, "единою документальною згадкою щодо найдавнішого періоду історії монастиря і церкви св. Юра у Львові є короткий напис на святоюрському дзвоні 1341 (6849) р."². Однако эта надпись породила неослабевающее любопытство историков, краеведов и кампанологов, стремящихся превратить результат своего любопытства в неисчерпаемый исторический источник. Подобное нечувствие к существенным различиям между историческими памятниками и историографическими сочинениями приводит к появлению опусов, которые скользят по поверхности ученых дискуссий. Их судьба – удовлетворять авторские амбиции и служить подсобным материалом для ангажированных версий локальной истории.

Эти вводные замечания касаются не только истории самого колокола, но и истории его изучения, связанной с накоплением информации о церковных древностях, в том числе и появлением их достоверных изображений. Будучи объектом материальным, колокол предполагал свою визуализацию в исследованиях, которая вплоть до 1888 г. ограничивалась разнообразными графическими прорисями, рисунками и схемами. Лишь благодаря победе фотографического подхода при восприятии древности стало возможно достоверное представление о форме колокола и нанесенных на него надписях. Но и эти возможности были осознаны не сразу, а некоторые из них так и не были востребованы исследователями своего времени, оставаясь достоянием архивов.

1. Колокол святого Юра: история с фотографией

На рубеже XIX–XX в. колокол был известен в единственной фотографии и многочисленных рисунках, по-разному передающих особенности его формы и

¹Ср.: Александрович В. Волинськими слідами святого Володимира Великого: проблема та її історичне тло // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2016. – Вип. 10: Святий Володимир Великий 1015–1215 / Відпов. ред.

В. Александрович. – С. 258.

²Дыба Ю. Невикористані писемні свідчення про початки церкви св. Юра у Львові // Вісник Львівського університету. Серія мистецтвознавство. – Львів, 2005. – Вип. 5. – С. 151–159 (здесь с. 151).

размеры. Эта фотография лишь с одной стороны, сохранившая вид колокола, закрепленного на деревянном хомуте с помощью изящных железных очепов, появилась в альбоме Археологическо-библиографической выставки 1888–1889 гг., организованной в Ставропигийном институте во Львове³. Сам средневековый колокол занял важное место среди ее экспонатов. К этому времени он был хорошо известен общественности, а обстоятельства его создания вызывали дискуссию⁴.

Иначе обстояло дело в России, где ученый интерес к галицийским древностям, подкрепленный имперским панрусизмом, лишь зарождался. Колокол интересовал прежде всего филологов и палеографов из-за нанесенной на него датированной надписи, упоминающей исторические личности. Так, надпись указал Петр Кеппен (1793–1864)⁵. Она была известна и Измаилу Срезневскому (1812–1880) (“1341 г. Напись (sic!) на колоколе соборной Юрьевской церкви во Львове”)⁶. Судя по имеющейся в его труде ссылке (“Czasop. zakł. hr. Ossolińskich, 1831, № 4, S. 123”), исследователь был знаком с публикацией Бенедикта Левицкого⁷, но, как кажется, возражения на эту статью Варлаама Компаневича (1777–1858), знатока истории монастыря святого Юра и прокуратора базилианских монастырей в Галиции, остались ему неизвестны⁸. Он ввел в российскую историографию текст надписи, ставший впоследствии хрестоматийным, и описал

³ Шараневичъ И. Каталог археологическо-библиографической выставки Ставропигийскаго Института въ Львовѣ открытой дня 10 Октября 1888, а имѣющей быти закрытою дня 12 Января 1889 по н. ст. – Львов, 1888. – Фото III; Katalog archeologiczno-bibliograficznej wystawy Instytutu Stawropigiańskiego we Lwowie, otwartej dnia 10. października r. 1888., a mającej się zamknąć dnia 12. stycznia r. 1889. – Lwów, 1888. – Foto nr III. Ср.: Шараневич И. Отчет из Археологическо-библиографической выставки въ Ставропигийскомъ институте открытой 28 сент. (10 окт.) 1888 г., закрытой 16 (28) февр. 1889 г. и опись фотографически снятых предметов из той же выставки. – Львов, 1889. См. также: Горда-Цибко О. “Археологічні” виставки 1885 та 1888–1889 і новий етап українського музейництва у Львові // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич, 2014. – Вип. 17–18. – С. 235–247.

⁴ Первые публикации и дискуссию см. три, например, в: Lewicki B. Uwagi dotyczące się napisu ruskiego na dzwonie przy cerkwi metropolitalnej lwowskiej S. Jerzego Męczennika, a usuwające trudności z niego wynikłe // Czasopism naukowy księgozbioru publicznego imienia Ossolińskich. – Lwów, 1831. – R. 5, zesz. 4. – S. 123–136; Kompaniewicz B. Uwagi nad rozumowaniem Lewickiego o dzwonie lwowskim w Czasop. Nauk. 1831 z odpowiedzią Lewickiego // Czasopism naukowy księgozbioru publicznego, imienia Ossolińskich. – Lwów, 1834. – Rok 7, zesz. 1–3. – S. 41–48, 129–136, 241–247; Zubrzycki D. Rys do historii narodu ruskiego w Galicyi i hierachij cer-

kiewney w témże krolestwie. – Lwów, 1837. – Zesz. 1: Od zaprowadzenia Chrześcijaństwa na Rusi aż do opanowania Rusi Czerwonej przez Kazimierza Wielkiego od roku 988 do roku 1340. – S. 57–67; Его же. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси: От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XV ст. – Москва, 1845. – С. 78–87, прим. 44; Его же. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош: латинские выписки из их сочинений, относящихся к истории Галичско-Владимирской Руси, за период от 1337 по 1387 г. – Львов, 1855. – С. 83–84.

⁵ Кеппен П. И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. – Москва, 1822. – С. 105.

⁶ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) // Известия Отделения русского языка и словесности. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. 10, вып. 1. – С. 297; Его же. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. – Санкт-Петербург, 1863. – С. 92; Его же. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. – Санкт-Петербург, 1882. – Стб. 191.

⁷ Lewicki B. Uwagi... – S. 123–136.

⁸ Kompaniewicz B. Uwagi... – S. 41–48, 129–136, 241–247.

ее особенности, впрочем, не без огрешностей. Так, крестовидная инвокация была передана как “СХ/СИ АК/ІН”, что должно было указывать на ее зеркальное отображение при литье. За ней следовала надпись, предваряемая крестом, о котором автор не упоминает: “† ВЪ ЛѢ SWMΘ СОЛЪАНЪ БЫѢ КОЛОКОЛЪ СИІ СТУМУ ЮРЬЮ ПРИ КНАЗИ ДМИТРИИ ІГУМЕНОМ ЕВѢФИМЬЕМЪ”, размещенная, как известно, на главе колокола. В нижней части талии читалось: “ЪВОКЯ АРОКС ЪЛАСИП А”. Автор отметил, что последние четыре слова надобно “читать на оборот”: “а писалъ Скоря Яковъ”. Зеркальность надписи не получила объяснения в ученом труде, что породило историографическое мнение о ее “тайнописном” характере.

И. Срезневский колокола не видел и имевшихся на тот час прорисей не опубликовал. Однако еще в 1872 г. колокол был осмотрен во время посещения Галиции графом Алексеем Уваровым (1825–1885), председателем Императорского Московского археологического общества и сыном отца известной формулы про самодержавие, православие и народность⁹. В своих записках, исполненных высокомерного пренебрежения к современному ему львовскому обществу и его культуре, граф сообщал, что “по важности этого памятника в палеографическом отношении” он “велел скульптору сделать снимок с этой надписи, и мы теперь, в первый раз, имеем в нем вполне верную копию”. При этом он не упомянул крест-инвокацию и предложил форму написания имени князя как “ДМИТРИИ”, отметив, что буква “зело” в слове “князь” также была передана зеркально. Однако несколько лет спустя, издавая записки, его вдова Прасковья Уварова (1840–1924) заметила: “К сожалению, я не нашла снимка, о котором говорит граф, и потому надпись пришлось воспроизводить по копии, сделанной графом”¹⁰. Очевидно, что “снимок”, заказанный скульптору, был ничем иным как оттиском в гипсе – распространенной в то время технологии копирования эпиграфических памятников. Похоже, П. Уварова ожидала найти фотографию, а нашла лишь гипсовую “копию”, в которой не опознала “снимок”, заказанный графом не названному львовскому скульптору.

Таким образом, достоверные снимки колокола не были известны в России конца XIX в., а став доступными – не заинтересовали ученую общественность. Этому появлению они обязаны Императорской Археологической Комиссии в Санкт-Петербурге¹¹, деятельность которой была связана, в частности, с реализацией проекта издания “русских вещевых надписей XI–XIV вв.”, инициированного 30 апреля 1894 г.¹² Этот проект, главным исполнителем которого был

⁹ Уваров А. С. Галиция. Археологические заметки // Его же. Сборник мелких трудов: издан ко дню 25-летия со дня кончины / П. С. Уварова (ред.). – Москва, 1910. – Т. 2: Статьи разного содержания. – С. 22–48.

¹⁰ Там же. – С. 37, прим. 1.

¹¹ Подробнее о деятельности комиссии и о проекте см.: Мусин А. Зимненская икона Божией Матери, ее первоначальный убор и украшения из коралла в европейской религиозной культуре // Культурна спадщина західноукраїнських земель. 2011, 2012. / Відпов. ред. В. Александрович. – Львів, 2018 (в печа-

ти). См. также: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин (ред.-сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.). – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 1–2.

¹² О поручении И. А. Шляпкину составления описания древних настенных надписей, сохранившихся в Новгородских церквях (17 декабря 1894 г. – 24 февраля 1911 г.) // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее – РО НА ИИМК РАН). – Ф. 1: 1894 г. – Д. 237.

Илья Шляпкин (1858–1918), также не осуществлен до конца и запланированное издание надписей не состоялось¹³.

Петербургский проект включал в себя исследование и издание эпиграфических памятников Западной Украины, в том числе и находившиеся в то время в пределах Австро-Венгерской империи. Кроме граффити из пещерного монастыря Бакота на Днестре, еще в 1891–1892 гг. изученных Владимиром Антоновичем¹⁴, Комиссию интересовала и надпись Свято-Юрского колокола как связанная с наследием Киевской Руси. Судя по известному контексту, проект преследовал, скорее, научные, нежели имперские цели.

Впрочем, начинание Археологической Комиссии, являвшейся подразделением Министерства Императорского двора, естественным образом получило государственную поддержку. Так, ежедневная газета “Правительственный вестник”, издаваемая в Санкт-Петербурге Главным управлением по делам печати при Министерстве внутренних дел, в № 114 за 1897 г. опубликовала извещение председателя Археологической комиссии графа Алексея Бобринского (1852–1921) о предполагаемом проекте издания надписей. Список эпиграфических памятников включал в себя и “соборный колокол церкви св. Юрия” во Львове, датированный 1341 г. Памятник был помечен “звездочкой”, что означало желательность получения Петербургом “точных снимков” с надписей, вне зависимости, были они опубликованы ранее или нет¹⁵. Сведения о надписях Комиссия просила прислать до 1 июля текущего года.

В последующей истории фотография колокола занимает особое место. Это не только единственное изображение, доставленное в Санкт-Петербург лицом, с Археологической комиссией непосредственно не связанным, но и снимок единственного памятника, полученный Комиссией из-за границ Российской империи, а также доставленный в ее столицу окольным путем – через один из губернских городов Царства Польского.

Советник Плоцкого губернского правления Григорий Воробьев 26 июня 1897 г. отправил в Комиссию фотографию колокола с одной стороны (рис. 1) и прорись нанесенных на него надписей (рис. 2)¹⁶, отмечая при этом, что вторая надпись (“внутри колокола”), а именно запись Якова Скоры, состоит из букв “в половину меньше”, чем “наружная”, основная надпись. Вместе с письмом от 5 сентября 1897 г. Г. Воробьев прислал фотографию колокола с другой стороны (рис. 3), как раз той, где читалось начало основной надписи и запись Якова. Размеры отпечатков составляют 17×22,5 мм и 17×24,5 мм. В своем письме Г. Воробьев выразил сожаления, что этот снимок не мог быть прислан до 1 июля, как об этом просила Комиссия¹⁷. Археологическая комиссия дважды, 4 июня и 13 сентября 1897 г., ответила благодарностями за подписью товарища председателя Комиссии Владимира Тизенгаузена¹⁸.

Стоит отметить, что в своей корреспонденции Г. Воробьев писал о фотографии и прориси сделанных “на сих днях, специально”, очевидно, “специально” для Комиссии. Сличение второй из присланных фотографий со снимком из альбома выставки 1888 г. свидетельствует, что речь идет об отпечатке с одного и того же негатива. Имел ли ввиду Г. Воробьев, что отпечаток с негатива

¹³ РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 237. – 232, 235, 245, 248 об.

Л. 21–22. См. также: Императорская Археологическая Комиссия... – Т. 1. – С. 132–133, 208, 860–863.

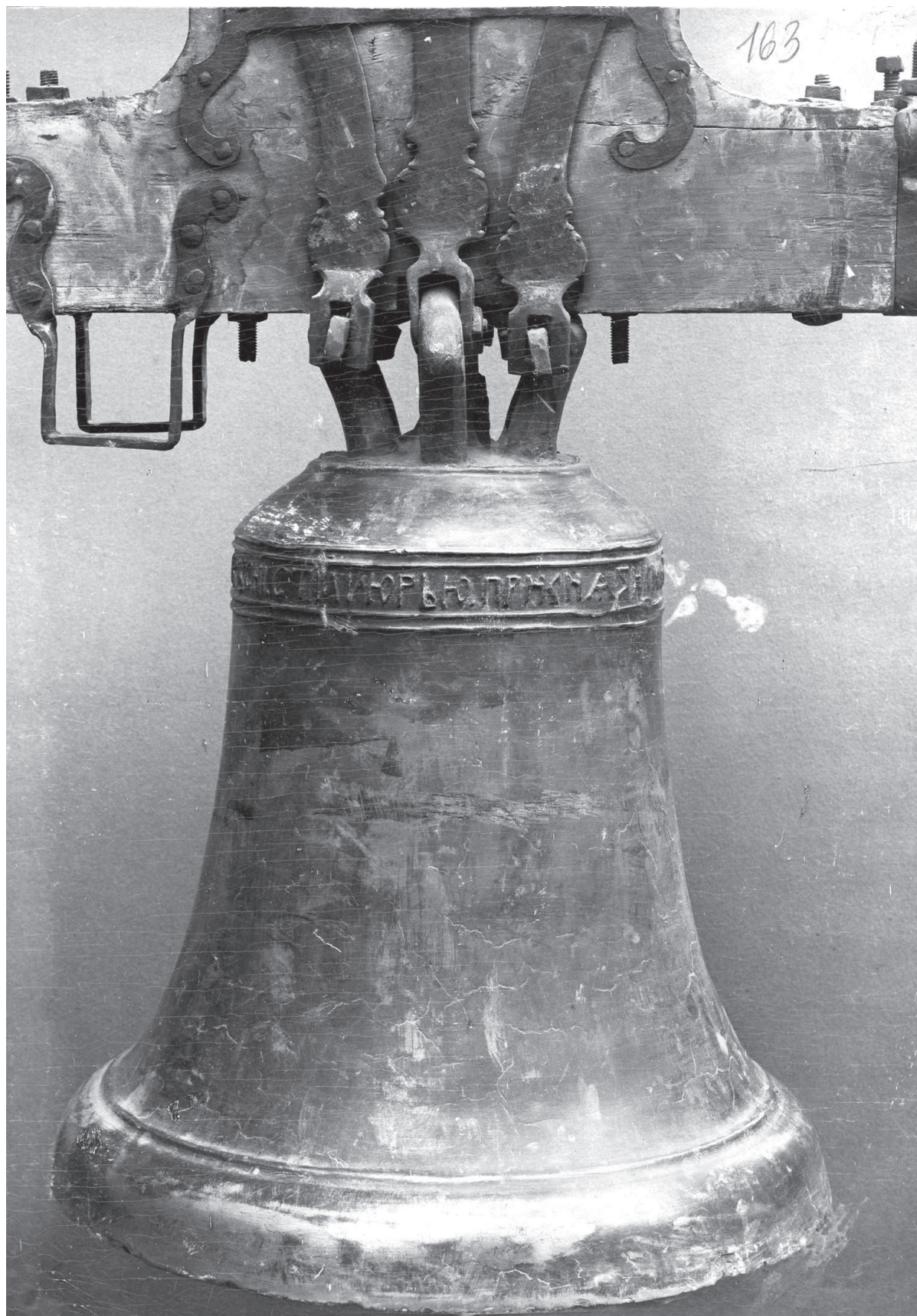
¹⁴ Там же. – Л. 149, 152 об., 162–164, 231,

¹⁵ Там же. – Л. 248 об.

¹⁶ Там же. – Л. 162–162 об, 163, 164.

¹⁷ Там же. – Л. 231, 232.

¹⁸ Там же. – Л. 167, 235.

Фотография Свято-Юрского колокола (1897 г.).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л.163

сделан специально для Комиссии, или же речь могла идти лишь о первом снимке, остается не ясным.

Добавим, что Тадеуш Шидловский (1883–1942) знал лишь об одном снимке. Он полгал, что негатив 1888 г. находился в собрании музея Львовского Ставропигиального братства и был вывезен российской оккупационной властью в 1915 г. Сам Т. Шидловский заказывал фотографию колокола для своего издания фотографическому ателье Тшемеского и Блаховского во Львове непосредственно из альбома 1888 г.¹⁹

На ключевой в этой истории личности Григория Александровича Воробьева (17 [29] мая 1860, Вологда – 18 [31] мая 1907, Варшава), „spolonizowanym Rosjaninie”²⁰, стоит остановиться подробнее²¹. Он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия в 1884 г., которую получил за диссертационное сочинение о Московском церковном соборе 1681–1682 гг.²² Однако уже через пять лет после окончания академии он занимает должности светского чиновника российской оккупационной власти: в Плоцкой (1889–1897) и Ломжинской (1897–1907) губерниях, где был мировым гминным судьей I-го округа Остроленковского уезда и советником при губернском правлении, то есть занимал достаточно высокий, третий чин в губернской иерархии.

Впрочем, известность ему принесли интеллектуальные занятия: по собственному определению, содержащемуся в письме в Комиссию, – “изучение русско-польских древностей”. К сожалению, полная библиография его трудов, рассеянных в труднодоступных периодических изданиях, до сих пор не опубликована. Изначально он занимался персоналией российской литературы²³ и историей России эпохи Смутного Времени²⁴, возможно, не без внимания к роли Речи Посполитой в этих событиях. Однако со временем Г. Воробьев обратился к историко-краеведческим трудам, посвященным памятникам, преимущественно церковным, Ломжинской губернии, Мазовии, Кракова и Торуня. На их страницах сохранились важные историко-статистические данные об этих регионах, а также материалы по этнографии населения Крупьовской пуци²⁵.

¹⁹ *Badecki K.* Katalog dzwonów z przed r. 1600 // *Dzwony starodawne: z przed r. 1600 na obszarze b. Galicji* / Oprac. K. Badecki, F. Kopera, T. Szydłowski, S. Tomkowicz. – Kraków, 1922. – S. 37–95 (здесь s. 88–94).

²⁰ *Rybiński Cz.* Powstanie i działalność Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Łomży do 1918 r. // *Studia Łomżyńskie*. – Łomża, 2010. – Т. 31. – S. 27–45 (здесь s. 27, 35, 45).

²¹ *Worobjew, Grzegorz* // *Encyklopedia powszechna z ilustracjami i mapami* / Wyd. S. Orgelbrand. – Warszawa, 1903. – Т. 15: U–Yvon. – S. 494; Воробьев Г. А.: [некролог] // *Исторический вестник: историко-литературный журнал*. – Санкт-Петербург, 1907. – № 6; *Брянцева Т. П.* Воробьев Григорий Александрович // *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь* / Отв. ред. В. А. Дьяконов. – Москва, 1979. – С. 108–109; *Gwardiak J.* Grigorij Worobjew – carski urzędnik, historyk ziemi łomżyńskiej, przyjaciel Polaków // *Rosjanie na północno-wschodnim Mazowszu w XIX wieku i pierw-*

szej połowie XX wieku. Studia i materiały / Red. M. Gnatowski. – Łomża 2009. – S. 271–273.

²² *Воробьев Г. А.* О Московском соборе 1681–1682 года: Опыт исторического исследования. – Санкт-Петербург, 1885; *Его же.* О Московском соборе 1681–1682 года: церковь и государство против старообрядцев. Изд. 2-е. – Москва, 2015.

²³ *Его же.* Константин Николаевич Батюшков: историко-литературный очерк. – Санкт-Петербург, 1887.

²⁴ *Его же.* Боярин и воевода князь М. Скопин-Шуйский // *Русский архив*. – Санкт-Петербург, 1889. – Вып. 8; *Его же.* Смутное время 1605–1613 // *Русский архив*. – Санкт-Петербург, 1892. – Вып. 1; *Его же.* К вопросу о происхождении т.н. первого самозванца // *Исторический вестник*. – Санкт-Петербург, 1898. – № 10.

²⁵ *Ejusdem.* Miasto Tykocin // *Pamiętnik III Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie*. – Kraków, 1900. – S. 1–19; *Ejusdem.* Kafle z herbami i figurami w ścianach kościoła w Gąbinie //

Фотография Свято-Юрского колокола (1888 г.).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л. 232.

Некоторые из его исторических и публицистических трудов были посвящены истории освободительной борьбы поляков конца XVII–XIX в. Так, он перевел и опубликовал записки участников Великопольского восстания 1794 г.²⁶, по-своему пытался оценить ноябрьское и январское восстания 1830–1831 и 1863 гг. Г. Воробьев принимал участие в охране памятников польской архитектуры, например деревянного костела XVIII в. в Мышинце, и стал членом новообразованного Общества охраны памятников прошлого в Варшаве²⁷. Его смерть была нелепой и трагичной. В мае 1907 г., будучи в Варшаве, он остановился в отеле “Саксонский”, где ночью скончался от угарного газа – в отеле было печное отопление. После его кончины вдова передала собранную им коллекцию древностей в Ломжинский отдел Польского краеведческого общества.

Исследовательская судьба Г. Воробьева делает понятным его участие в присылке фотографий львовского колокола в Санкт-Петербург. Остается непонятным, каким именно образом чиновник Плоцкой губернии получил изображение исторического памятника, находившегося на территории соседней империи. Впервые Г. Воробьев побывал во Львове в июне 1900 г. во время третьего съезда польских историков, проходившего в Кракове. В опубликованном очерке о поездке в “столицу Галицкой Руси” он сообщает, что от древней деревянной церкви, принадлежавшей базилианам, “остался, сохраняющийся в настоящее время на колокольне св. Юра, небольшой колокол со славянскими письменами, 1341 г.”. Дополнительно он пишет, что “снимок с него и с надписи сообщен нами императорской археологической комиссии”²⁸, не извещая о подробностях. Очевидно, эта информация носит ретроспективный характер и относится к событиям 1897 г. Впрочем, она вошла как в биографическую статью о Г. Воробьеве в энциклопедии С. Оргельбранда, так и заняла свое место в газетных некрологах²⁹.

Известно, однако, что уже в 1899 г. Г. Воробьев стал сотрудником Комиссии истории искусства Польской академии знаний (Komisja Historii Sztuki Akademii Umiejętności w Krakowie), а в 1903 г. был избран ее членом³⁰. Он

Sprawozdania Komisji do Badania Historii Sztuki w Polsce (далее – SKHS). – Kraków, 1900. – Т. 6. – С. ХСІ; *Ejusdem.* Kurpiów // *Slovanský přehled.* – Praha, 1901; *Ego же.* Три монографии: Церковь Успения Богоматери в Годышеве. Город Тыкоцин. Ян из Кольна, предместник Колумба. – Ломжа, 1901; *Ego же.* Описание памятников и остатков старинны Ломжинской губернии. – Ломжа, 1902.

²⁶ См.: Русская старина. – Санкт-Петербург, 1895. – № 10–12.

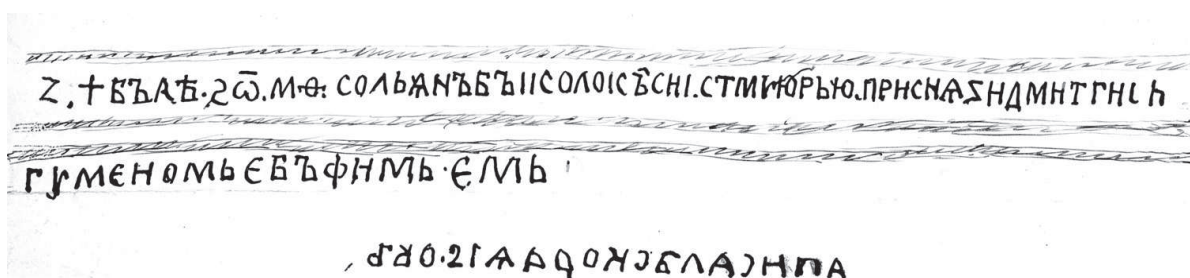
²⁷ Musin A. Osiemnastowieczny kościół drewniany Świętej Trójcy w Myszyńcu: ostatnia nadzieja // *Fines testis temporum. Studia ofiarowane Profesor Elżbiecie Kowalczyk-Heyman w pięćdziesięciolecie pracy naukowej* / Red. M. Dziak, G. Śnieżko. – Rzeszów 2017. – S. 149–174.

²⁸ Воробьев Г. А. В столице Галицкой Руси (историко-археологические очерки Львова) // Исторический вестник: историко-литературный журнал. – Санкт-Петербург, 1901. – Г. 22. – Т. 86 (октябрь). – С. 283–313 (здесь с. 286). Польский перевод см. в: *Ejusdem.* W stolicy Rusi Halickiej (historyczno-ar-

cheologiczny szkic o Lwowie) // *Krakowskie Pismo Kresowe.* – Kraków, 2013. – Nr 5: Kontekst rosyjski. – S. 153–177.

²⁹ “W roku 1897 Worobiew opisywał dla Petersburskiej komisji archeologicznej dzwony w kościele unickim św. Jerzego we Lwowie”. См.: Worobjew, Grzegorz // *Encyklopedia...* – S. 494; *Goniec Częstochowski* – dziennik polityczny społeczny ekonomiczny i literacki. – Częstochowa, 1907. – Nr 125. – 10 maja. – S. 3; *Nowa Reforma* (numer popołudniowy). – Kraków, 1907. – Nr 213.

³⁰ Материалы о сотрудничестве Г. Воробьева с Краковской комиссией см. в: *Rocznik Akademii Umiejętności w Krakowie, 1899–1907.* См. также в: *Archiwum Nauki Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie PAU W I-24* (Protokoly posiedzeń, 1897–1914, sz.k); *PAU W I-173* (Komisja Historii Sztuki; G. Worobjew. Ruiny zamku biskupiego i kościół parafiany w Broku; b.d., rkps., l. k. 3; plan 1; fot. Szt.5); *PAU W I-174* (Komisja Historii Sztuki; G. Worobjew, Materiały do zabytków na Mazowszu [z

Прорись надписей на Свято-Юрском колоколе, 1897 г., И. Шараневич (?).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л. 164.

принимал активное участие в заседаниях Комиссии и выступал с докладами, однако львовский колокол не попал среди избранных при этом сюжетов. Основными его темами стали готические костелы в Визне, Броке и на Мазовии, поливные плитки и деревянные церкви в Габине под Варшавой, церковь в Орше, а также оборонное зодчество региона и хоругвь, ставшая вкладом Петра Сапеги в Борисоглебский монастырь под Ростовом в 1609 г.³¹ Нет исследований о колоколе и среди публикаций Г. Воробьева в изданиях комиссии³².

Таким образом, получив в 1897 г. фотографию колокола и прорись его надписи, Г. Воробьев так и не заинтересовался этим памятником. Стоит предположить, что его знания, касающиеся колокола, были весьма ограничены, а полученная информация – относительно случайна. Однако участие в проекте Императорской археологической комиссии было крайне важно для самого Воробьева. Именно его персональное сообщение могло стать основой биографической информации – получить ее составителям энциклопедии было практически не откуда, разве что из статьи самого Г. Воробьева в “Историческом вестнике”³³.

Все это позволяет предположить практически единственный сценарий. В 1897 г., когда отношения Г. Воробьева с Краковом и Комиссией истории искусства только начинались, он мог получить фотографии колокола лишь от единственного человека – И. Шараневича (1829–1901), действительного члена Историко-филологического отдела Краковской Академии с 1872 г. и консерватора Венской Императорско-королевской комиссии охраны памятников в Западной Галиции³⁴. Г. Воробьев мог с ним встречаться в Кракове или же достать фотографии через посредников. Самостоятельно Г. Воробьев сделать прорись с надписи, не осматривая колокол *de visu*, не мог: на первой фотографии колокол представлен лишь одной стороной с фрагментарно читаемой надписью. Очевидно, он также получил ее из Львова. В целом же факт появления

rycinami i fot.]: Andrzejowo, Bogusze, Jelonki, Łomża, Maków, Myszyniec, Niedźwiadana, Rosochate-Kościelne, Szczepanków, Rożan, Wąsosz, Wizna; 1900–1901, b.d, rkps., ryc., fot., szt., akwarele).

³¹ Rocznik Akademii Umiejętności w Krakowie (далее – RAUK): 1899/1900. – Kraków, 1900. – S. 68, 69; RAUK: 1900/1901. – Kraków, 1901. – S. 61; RAUK: 1901/1902. – Kraków, 1902. – S. 85, 86; RAUK: 1902/1903. – Kraków, 1903. – S. 55; RAUK: 1903/1904. – Kraków, 1901. – S. 77; RAUK: 1905/1906. – Kraków,

1906. – S. 67; RAUK: 1906/1907. – Kraków, 1907. – S. 77–78; Sokołowski M., Worobjew G., Zubrzycki J. Kościoły i cmentarze warowne w Polsce // SKHS. – Kraków, 1902. – T. 7, zes. 4. – S. 482; SKHS. – T. 7. – S. XXII.

³²Ср.: Каталог wydawnictw Polskiej Akademii Umiejętności 1873–1947. – Kraków, 1948. – T. 1: Wydawnictwa wydziałów filologicznego i historyczno-filologicznego, wydawnictwa specjalne i periodyczne / S. Mikucki (wyd.). – S. 63, 64, 67, 68, 70, 73.

³³Воробьев Г. А. В столице... – С. 286.

³⁴RAUK: 1901–1902. – S. 48, 67.

в Санкт-Петербурге львовских фотографий должен объясняться не столько персональными связями Воробьева, сколько трансграничной мобильностью интеллектуальной элиты польского общества, что во многом обеспечивало культурное единство нации “эпохи разделов”.

Как уже отмечалось, фотографии колокола так и не были в полной мере востребованы российской ученой общественностью. Впрочем, на своих лекциях в Санкт-Петербургском археологическом институте И. Шляпкин в числе прочих вещевых надписей с точной хронологией демонстрировал и надпись на Свято-Юрском колоколе, показывая при этом уже известные нам фотографии из архива Комиссии. В конспекте его лекций они значились как присланные “А. Г. Воробьевым”³⁵. Эта неточность могла быть не только “ошибкой памяти” или “ошибкой конспектирования”. В архиве Комиссии на обороте одной из фотографий еще в конце XIX в. была сделана приписка: “к письму А. Воробьева”³⁶, хотя в корреспонденции его имя было написано правильно.

Известно, что много лет спустя на основе материалов Императорской археологической комиссии в составе Свода археологических источников в СССР был издан корпус “русских датированных надписей XI–XIV вв.”, обычно ассоциируемый с именем Бориса Рыбакова³⁷. Существующие данные позволяют уточнить, что основной труд по составлению свода был выполнен московским археологом и эпиграфистом Альбиной Мединцевой. В этот корпус надпись львовского колокола не вошла, однако трудно предположить, что всеядному Б. Рыбакову она была неизвестна. Исключение львовской надписи из свода “русских надписей” стоит связывать с ее признаваемым в то время “украинством”, что вполне вписывалось в тогдашнюю национально-академическую политику советских властей в Москве и в Киеве. Это приводило к политически мотивированному разделению исследовательского труда между российскими и украинскими историками.

2. Колокол святого Юра: из Теробовли во Львов?

В истории изучения колокола существует один интересный эпизод. Если большинство российских исследователей уверены, что Свято-Юрский колокол изначально был отлит для соименного монастыря близ Теробовли и лишь впоследствии попал во Львов, то в украинской и польской науке “теробовальский” след, насколько нам известно, отсутствует³⁸. Однако ситуация “письменных источников” существенно отличается от ситуации “предания”, в том числе – и историографического.

³⁵ Шляпкин И. А. Палеография: Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте и стенографически записанные. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 12; *Его же*. Русская палеография. По лекциям, читанным в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 38.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 237. – Л. 163 об.

³⁷ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков / Свод археологических источников Е1-44. – Москва, 1964.

³⁸ Badecki K. Katalog dzwonów z przed r. 1600 // Dzwony starodawne... – S. 88–94; Жолтовський П. М. Художне лиття на Україні

XIV–XVIII ст. – Київ 1973. – С. 6–8; Грамоти XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак – Київ, 1974. – С. 22–23. – № 7 (с ранней историографией); Жолтовський П. Н. Колокола на Україні // Колокола. История и современность / Б. В. Раушенбах (отв. ред.). – Москва, 1985. – С. 163–168 (здесь с. 163); Дзвін собору св. Юра // Енциклопедія Львова / Ред. А. Козицький. – Львів, 2008. – Т. 2: Д–Й. – С. 53; Сукач С. И. Украинская колокольная историография: очерки колоколотейного искусства. – Сумы, 2009; Кіндратюк Б. Д. Дзвонарська культура України. Монографічне дослідження (Історія української музики. – Вип. 19: Дослідження). – Івано-Франківськ, 2012. – С. 193–194.

Одно из древнейших свидетельств о колоколе должно быть отнесено к 1685 г., связано с именем епископа Иосифа (Шумлянського) (1648–1708) и сохранилось в его фундушевой записи Свято-Юрскому монастырю. Здесь говорится, что колокол, которому в том году “исполнилось” 344 года, “древность сего места (т.е. монастыря – А. М.) показывает”. Ввиду уникальности епископ налагает запрет на использование колокола без специального архиерейского разрешения³⁹. Насколько нам известно, нет никакого упоминания о “теребовальском” колоколе и в тексте визитации 1765 г.⁴⁰

Похоже, первым, кто внес в письменную традицию устную молву был каноник Б. Левицкий, который без ссылки на какой-либо источник написал, что в его время колокол был всем известен под именем “теребовальского”. Впрочем, сам он связывает появление этого наименования с перенесением во Львов иконы Божией Матери из Теребовльского “замка”, что, как мы увидим ниже, может быть признано справедливым⁴¹.

Однако всеобщее убеждение или заблуждение всегда производило на читающие умы сильное впечатление. Через 30 лет Ян Ступницкий в своем исследовании, посвященном колоколу, напишет, что тот упоминается как теребовальский “в инвентаре” (sic!), поскольку в “1673 г.”⁴², когда татары вторглись в Украину, он был перенесен в месте с византийской иконой Божией Матери из базилианского монастыря в Теребовле во Львов, что и дало ему соответствующее имя⁴³. Ссылка на инвентарь отсутствовала. Имел ли Я. Ступницкий ввиду конкретный архивный документ, остающийся нам неизвестным, или обосновал его изобретением “всеобщую” молву, упомянутую Б. Левицким, остается непонятным.

Именно эту версию озвучил в российской историографии граф А. Уваров. Пользуясь текстом Я. Ступницкого как источником, он писал о происхождении колокола из монастыря святого Георгия близ города Теребовля и Евфимии как теребовальском игумене, ссылаясь при этом на некую “опись имущества львовского собора св. Георгия”, в которую колокол был якобы внесен вместе с иконой⁴⁴. При этом он дает удивительные подробности осады монастыря, находящегося не в самой Теребовле, а на территории пригородного леса, в частности, утверждая, что при разорении монастыря погибли все документы об этом

³⁹ Львівська національна наукова бібліотека України імені Василя Стефаника. – Відділ рукописів (далее – ЛННБ ВР). – Ф. 3 (Бібліотека монастирів василіян). – Оп. 1. – Спр. 373.

⁴⁰ [Kompaniewicz B.] Księga dziejów czyli historyje z dyspozycji i rozkazu przewielebnych przełożonych prowincji ruskiej zakonu świętego Bazylego W[ielkiego] w monasterze Lwowskim pod tytułem świętego Jerzego Męczennika... / Wyd. L. Zieliński // Pamiętki historyczne krajowe / Wyd. L. Zieliński. – Lwów, 1841. – S. 75–108 (здесь s. 78, 79, 88); Urzędowa Wizja Cerkwi i monasteru S. Jerzego Męczennika we Lwowie, na żądanie OO. Bazylianów tegoż Monasteru, przedsięwzięta ze strony Magistratu miasta Lwowa dnia 12 lipca 1765 roku / Oprac. A. S. Petruszewicz // Przegląd Archeologiczny. – Lwów, 1883. – S. 130; *Badeczki K. Katalog dzwonów...* – S. 89.

⁴¹ “Z samej nazwy: dzwon trembowelski (pod którą pospolicie teraz dzwon ten jest wiadomym), powyższego wniosku robić nie považałem się, z przyczyny iż dawniejszych czasów, ta nazwa dzwonu owego – zapewne z czasów dopiero przeniesienia obrazu Bogarodzicy, z zamku trembowelskiego do cerkwi tutejszej S. Jerzego, za buskupa Szumlańskiego około r. 1690. pochodząca – wcale wiadomą nie była”. См.: *Lewicki B. Uwagi...* – S. 127.

⁴² Издатель журнала Антон фон Пергер исправляет Я. Ступницкого: 1675 г.

⁴³ *Stupnicki J. Historische Notiz über eine alte bei der Lemberger gr. Kath. Domkirche befindliche Glocke // Mitteilungen der K.K. Central-Kommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. – Wien, 1866. – Jahrgang 11. – S. LXXXIX–XCI.*

⁴⁴ *Уваров А. С. Галиция. – С. 36–38.*

колоколе, предшествующие 1675 г. Для обоснования своей версии А. Уваров ссылается на сведения Мечислава Потоцкого⁴⁵, однако последний пишет лишь о руинах базилианского монастыря близ Теробовли без каких-либо подробностей, а сведения о колоколе и конкретных датах отсутствуют вовсе. В целом же для графа упоминание в надписи имени князя Дмитрия и именование колокола “теробовльским” являлось “гарантом” его связи с историей Червонной Руси и, соответственно, – России.

Малоизвестная заметка А. Уварова лишь опосредованно оказала влияние на российскую историографию. Непосредственным источником вдохновения при этом послужил историко-библиографический труд Александра Орлова (1871–1947), составленный еще в середине 1930-х годов, который без колебаний назвал памятник “теробовельский колокол”⁴⁶. Среди ссылок можно увидеть уже известные нам работу П. Кеппена, Б. Левицкого, Д. Зубрицкого, Я. Ступницкого, И. Срезневского и А. Уварова, а также Михаила Грушевского, впрочем, лишь ради иллюстрации предмета (о оценке – плохой)⁴⁷.

Это утверждение стало общим местом российской кампанологии. Даже в статьях профессиональных источниковедов можно встретить безапелляционные утверждения о “Святоюрском (Теробовльском) колоколе”, названным так по монастырю Св. Юрия “близ Теробовля” и отлитым “мастером Иваном (sic !) Скорой”, причем кириллическая надпись, согласно автору, выполнена “тайнописью”⁴⁸. У работающих в жанре автоплагиата, читаются взаимоисключающие сведения о колоколе, иногда под одной обложкой: колокол, происходящий из Георгиевского монастыря в Теробовале и созданный повелением теробовольского игумена страницей позже оказывается отлитым “для львовской церкви св. Юра”⁴⁹.

Итак, у нас нет оснований говорить о существовании в Теробовле в XIV в. монастыря, посвященного святому Георгию⁵⁰, для которого мог быть отлит колокол святого Юра. Если исключить допущение, что эпитет “теробовальский” мог относиться к иному колоколу на Свято-Юрской звоннице и лишь случайно был отождествлен в XIX в. с колоколом игумена Евфимия 6849 г., то стоит задаться вопросом, почему львовский колокол почтенной древности получил имя соседнего города.

⁴⁵ Bauer Th. Aus dem Berichte des k.k. Conservators Mieczyslaw Ritter v. Potok-Potocki // Mitteilungen der K.K. Central-Kommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. – Wien, 1869. – Jahrgang 14. – S. XCII–XCIII (здесь S. XCIII).

⁴⁶ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. – 2е изд. – Москва; Ленинград, 1952. – С. 87–88. – № 123. Ср.: *Его же*. Библиография русских надписей XI–XV вв. – Москва; Ленинград, 1936.

⁴⁷ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – Киев, 1913. – С. 136.

⁴⁸ Полюхов С. “Колокол Шедибора Волимонтовича” – экспонат Музея древностей при Виленской публичной библиотеке // Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915). Mokslo straipsnių rinkinys. – Vilnius, 2015. – С. 425–432 (здесь с. 428). Автор ссылается на издание надписи в книге:

Українські грамоти XV ст. / Упор. М. М. Пещак. – Київ, 1965. – С. 22–23. – № 7. Однако такой публикации не существует. Здесь механически объединены два различных издания: Украинські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. – Київ, 1965; Грамоти XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак. – Київ, 1974. Надпись опубликована в издании 1974 г.

⁴⁹ Бондаренко А. Ф. История колоколов России XI–XVII вв. – Москва, 2012. – С. 199–201. – Рис. 52; *Его же*. Из истории колоколов России: избранные труды по отечественной кампанологии. – Москва, 2014. – С. 103–106, 187–188.

⁵⁰ Ср.: Крип'якевич І. Середньовічні монастирі в Галичині. Спроба каталогу // Записки Чина св. Василя Великого. – Жовква, 1926. – Т. 1, вип. 1–2.

Прежде всего, теребовальский колокол во Львовской земле не одинок. Известны и другие. Так, в кармелитском монастыре святой Анны в селе Соседовичи (Старосамборский район, Львовская область, Украина) опись конца XVIII в. так же упоминает “*dzwon “trembowelski”*”, который, согласно предположению некоторых исследователей, происходит из обители кармелитов в Теребовле⁵¹. Впрочем, доказательства такого происхождения в публикации отсутствуют и история соседовического колокола могла быть “сконструирована” по аналогии с колоколом львовским, которую мы и предполагаем распутать.

Представляется, что ответ о причине именования львовского колокола “теребовальским” можно получить при знакомстве с европейским благочестием и литургикой, связанными с созданием и использованием колоколов. Колокольный звон в христианской традиции рассматривался как продолжение молитвы, а сам колокол – как источник такой молитвы. Надписи на колоколах могли содержать как призывы к святым, так и призывы к самим колоколам: *ora pro nobis*⁵². История знает наречение имен колоколам, крещение колоколов как средство их антропоморфизации и экзорцизма – “мистического” очищения металла⁵³, их посвящение Божией Матери и святым⁵⁴. Одной из форм такой персонификации и посвящения были оттиски разнообразных знаков пилигримов на формах отливки колоколов, известные прежде всего в Германии. Этим достигалось перенесение на колокол благословения места паломничества, что служило дополнительным способом освящения, хотя при этом не исключались и утилитарные цели: свинцовые значки со священными изображениями могли добавляться к колокольной бронзе в процессе утилизации сакральных предметов и в целях переиспользования свинцового сырья⁵⁵. С учетом известных практик логично предположить, что свое необычное имя самый древний и почтенный колокол Львова получил в результате посвящения Теребовальской иконе Матери Божией. Без сомнения, он встречал ее своим звоном в 1675 г. В честь спасения образа от неверных колокол и обрел свое название, запутавшее современную историографию.

3. К вопросу о дате колокола святого Юра.

Представляется, что дата отливки колокола, как она закрепились в историографии, также нуждается в дополнительном осмыслении. В 1765 г., согласно

⁵¹ Derwich M., Wojciech W. *Dziedzictwo kulturowe po klasztorach skasowanych na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej oraz Śląsku w XVIII i XIX w.: losy, znaczenie, inwentaryzacja* Narodowy Program Rozwoju Humanistyki” (2012–2016): http://pw.kasaty.pl/pl/mobilium/Mobilium/2834.html?search_params%5Bsearch%5D=s%5C4%85siadowice&search_params%5Bpage%5D=&id=5 (*docmyn: 15 августа 2018 г.*). Cp.: Betlej A. Kościół p. w. św. Anny i klasztor oo. Karmelitów w Sąsiadowicach // *Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej* / Redakcja naukowa Jan K. Ostrowski. Część 1: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego. – Kraków, 1997. – T. 5. – S. 232.

⁵² Favreau R. *Études d'épigraphie médiévale: recueil d'articles de Robert Favreau rassemblés à l'occasion de son départ à la retraite* / W. Koch

(éd.). – Limoges, 1995. – Vol. 1. – P. 438–439. Cp.: Gonon T. *Les cloches France au Moyen Age: archéologie d'un instrument singulier*. – Paris, 2010.

⁵³ Gonon T. Les noms des cloches au Moyen Age // *Patrimoine campanaire: Revue francophone de campanologie*. – La Garenne-Colombes, 2006. – N°52–53. – P. 1–11; Pomel F. Pour une approche littéraire des cloches et horloges médiévales: réflexions méthodologiques et essai de synthèse // *Cloches et horloges dans les textes médiévaux* / F. Pomel (dir.). – Rennes, 2012. – P. 9–32 (здесь p. 20).

⁵⁴ Young B. A Medieval Bell // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New Series*. – New York, 1953. – Vol. 11. – No. 10. – P. 293–296.

⁵⁵ Oefelein C. The signs – and bells – of mass pilgrimage // *Mobs. An interdisciplinary inquiry* / N. van Deusen, L. M. Koff (eds.). – Leiden, 2012. – P. 231–268. Cf. Oefelein C.,

протоколу Львовского магистрата, касающегося описи визитации собора святого Юра, связанной с конфликтом базилиан и епископа из-за строительства дворца⁵⁶, ксендз Иаков из ордена тринитариев традиционно вычел 5508 из 6849, года отливки колокола от сотворения мира. Получился год 1341 от Рождества Христова⁵⁷. В польской историографии, где историю правления Казимира Великого во Львове начинали с 1340 г., эту дату посчитали недостоверной, поскольку надпись усваивала власть в городе в 1341 г. не королю Казимиру, а князю Дмитрию. Поэтому Б. Левицкий прочел го как 6800 (SW) = 1292 г., а МΘ – как девятый месяц мартовского года, т.е. ноябрь⁵⁸. Такое “согласование” восточноевропейского летосчисления с официальной версией польской истории не получило поддержки как не выдерживающее критики.

При научной оценке 6849 г. как даты отливки колокола стоит исходить из того, что в XIV в. в местном обиходе еще употреблялся мартовской, а не сентябрьский календарь. Однако был ли этот календарь собственно мартовским или ультрамартовским? В первом случае колокол мог быть отлит в период с марта 1341 по февраль 1342 г., во втором случае этот период простирается с марта 1340 по февраль 1341 г.

Факт использования ультрамартовского стиля книжной элитой Галицко-Волынской земли, как кажется, известен. Однако он не заинтересовал исследователей. Так, в списках Кормчей волынского извода сохранилась запись, сообщающая об изготовлении копии Номоканона по заказу княжеской четы Владимира Васильковича и Ольги Романовны: “в лето 6794 списан бысть си номоканон боголюбивым князем Владимиром, сыном Васильковым, внуком Романовым, и боголюбивою княгинею Ольгою Романовною. Аминь рекше конец, Богу нашему слава во веки аминь. Пишущим же нам сия книги, поехал господин наш к Ногаеви, а госпожа наша оставь у Владимери, зане бяше немощию утонила люта зело, того ради немощно бысть ей проводитьи его”⁵⁹. Традиционно

Oefelein R. Pilgerspuren auf mittelalterlichen Glocken in Brandenburg. – Berlin, 2012. По поводу изображений паломнических инсигний на колоколах см.: Liebeskind P. Pilger- oder Wallfahrtszeichen auf Glocken // Die Denkmalpflege. – Berlin, 1904. – Bd. 6. – S. 53–55; 1905. – Bd. 7. – S. 117–120, 125–128; 1907. – Bd. 9. – S. 56; Hrdina J., Brumme C., Kühne H. More Pragensi? Die Prager Pilgerzeichen, die Jubiläumsnachfeiern 1393–1397 und die Pilgerzeichen mit Wappen am Ausgang des Mittelalters // Von Kirchen und Burgen Gedenkschrift für Günter Hummel / A. Hummel, V. Schimpff, H.-J. Beier (Hrsg.). Beiträge zur Frühgeschichte und zum Mittelalter Ostthüringens. – Langenweissbach, 2016. – Bd. 7. – S. 93–122; Hummel G., Löwe B., Reinhold F. Pilgerzeichen auf Glocken in Ostthüringen unter besonderer Berücksichtigung von Altenburg // Auf der Wege zur mittelalterlichen Stadt in Thüringen / Hans-Jürgen Beier, Peter Sachenbacher, Volker Schimpff (Hrsg.). Beiträge zur Frühgeschichte und zum Mittelalter Ostthüringens. – Langenweißbach, 2014. – Bd. 5. – S. 245–253; Köster K. Meister Tilman von Hachenburg. Studien zum Werk eines

mittelrheinischen Glockengießers des 15. Jahrhunderts mit besonderer Berücksichtigung der als Glockenzier verwendeten Pilger- und Wallfahrtszeichen // Jahrbuch der hessischen kirchengeschichtlichen Vereinigung. – Darmstadt, 1957. – S. 79–86; Brumme C. Pilgerzeichenabgüsse auf der Glocke von Wittgendorf // Alltag und Frömmigkeit am Vorabend der Reformation in Mitteldeutschland, Katalog zur Ausstellung Umsonst ist der Tod / Kühne H., Bünz E., Müller Th. T. (Hrsg.). – Petersberg, 2013. – S. 215–217; Kühne H., Losche H. “Wir sind noch da” – spätmittelalterliche Pilgerzeichen auf einer Glocke der St.-Blasii-Kirche in Nordhausen // Beiträge zur Geschichte aus Stadt und Kreis Nordhausen. – Nordhausen, 2009. – Bd. 34. – S. 139–151.

⁵⁶ Wereda D. Biskupi unickiej metropolii kijowskiej w XVIII wieku. – Siedlce; Lublin, 2013. – С. 230.

⁵⁷ Urzędowa Wizja... – S. 130; Acta Officii Juris fidelium od r. 1763–1769. – Т. 37. – S. 293–297. См.: Badecki K. Katalog dzwonów. – S. 90.

⁵⁸ Badecki K. Katalog dzwonów. – S. 90

⁵⁹ Известны различные редакции выходной записи, см.: Щанов Я. Н. Византийское и

считается, что 6794 Anno Mundi записи соответствовал мартовском году Anno Domini, т.е. периоду с марта 1286 г. по февраль 1287 г. Более того, вслед за М. Грушевским исследователи полагали, что эта информация, как и сама дата, имеют независимое подтверждение в Галицко-Волинской хронике.

Так, летописец сообщает, что “пришедшоу оканьномуу и безаконьномуу Ногаеви и Телебоузѣ с нимъ на Оугры в силѣ тяжцѣ во безчисленомъ множествѣ, вѣлѣша же с собою поити Роускимъ княземъ Лвови, Мьстиславоу, Володимѣроу, Юрьи Лвовичъ. Володимеръ же бяше тогда хромъ ногою и тѣмъ не идяше зане бысть рана зла на немъ, посла рать свою съ Юрьемъ сыновцемъ своимъ. Тогда бо бяхоуть князи Роусции в воли Татарьской, и тако поидоша вси токмо и одинъ Володимѣръ остасѧ зане бысть хромъ”. Через год летопись, в рамках взаимосвязанных сюжетов, повествует: “хотѧщоу поити оканьномуу и безаконьномуу Телебоузѣ на Ляхы и собравшоу емоу силоу многу забывшоу емоу казни Божіѣ еже сбысѧ над нимъ во Оугрѣхъ о немже передѣ сказахомъ и приде к Ногаеви... Телебоуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ кнѧземъ и ко Волинскимъ ко Лвови и ко Мьстиславоу и к Володимѣроу веля имъ поити с собою на воиноу”. Князья не ослушались правителя Орды и в рамках средневекового ритуала отправились чествовать его в ключевых пунктах пути: “пришедшоу же емоу к Горинѣ и сrete и Мьстиславъ с питьемъ и з дары, и поиде оттолѣ мимо Кремьянѣцъ ко Перемилю тоу и срѣте Володимеръ князь с питьемъ и с дары на Липѣ, и посемъ оугони Левъ князь ко Боужьковичемъ и с питьемъ и с дары”⁶⁰. Эти события датируются в Ипатьевской летописи 1282–1283 гг., но даты не соответствуют действительной истории Восточной Европы: поход в Венгрию должен быть отнесен к 1285 г., а в Польшу – к 1286 г. Именно со вторым походом и связывали изготовление Кормчей 6794 г. и поездка князя Владимира Васильковича к ордынскому правителю, якобы подтвержденная летописью⁶¹.

Однако такая интерпретация событий выглядит явной натяжкой – в 1286/1287 г. князь Владимир отправлялся на встречу к хану Телебуге. В связи с этим высказывались предположения, что поездка к Ногаю в этом году могла не попасть в поле зрения летописца, поскольку была связана не с военным походом, а с вопросами наследования власти от Владимира Васильковича Мстиславу Даниловичу, на что, якобы, требовалось согласие хана, или же с предполагаемой сменой власти в Орде в 1286 г., что предполагало возобновление ярлыков-инвеститур⁶².

Обратимся к самой летописи. Хронист не только говорит, что князь Владимир ходил с дарами не к Ногаю, а Телебуге, но и подчеркивает, что первый

южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. – Москва, 1978. – С. 207, 209–213, 248–270; Смокина Н. П., Смокина Н. Н. Вновь найденный фрагмент древнего Евангелия // Изучение русского языка и источниковедение. – Москва, 1969. – С. 68; Юшков С. В. Устав св. Владимира: историко-юридическое исследование / Ред. О. И. Чистяков. – Москва, 1989. – С. 55.

⁶⁰ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 2. – Стб. 888 [6790 (1282)], 892 [6791 (1283)].

⁶¹ Грушевський М. Хронологія подій галицько-волинського літопису // Записки

Наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 1901. – Т. 41. – С. 1–72 (здесь с. 52–53).

⁶² Панишко С. До питання про поїздки Володимира Васильовича в Орду у 1286 р. // Волинська книга: історія, дослідження, колекціонування. Науковий збірник. – Острог, 2005. – Вип. 1. – С. 109–113; Його ж. Поїздки волинського князя Володимира Васильовича до Ногай у 1286 р. // Київська старовина. – Київ, 2007. – № 2(374). – С. 3–16; Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. – Казань, 2009. – С. 188–189, 192; Его же. Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Дисс... док. ист. наук. – Воронеж, 2014. – С. 236.

пошел на Польшу не через Волынские, а Галицкие земли: “Ногаи же оканьными не иде с Телебоугою в Ляхы одиною дорогою занбысть межи има нелюбие велико но иде своею дорогою на Перемышль”⁶³. Встреча Владимира и Ногаю во время этого похода практически исключена, хотя она, согласно выходной записи Кормчей, определенно относится к 6794 г.

Есть ли возможность уточнить последовательность событий на Волыни середины 1280-х годов и уточнить дату Волынской Кормчей? Итак, поездка князя Владимира к Ногаю в 6794 г. вряд ли была связана с походом Телебути на Польшу, который, обачно, относят к декабрю 1286 – январю 1287 гг., поскольку в польских источниках он датируется именно последним годом. М. Грушевский предлагает и ряд точных дат. Согласно построениям историка, татары ушли из-под Владимира “по Микулинѣ дни наутріи”. В то же время он полагает, что “коло Володимира вони товклися близько тиждень (“в недѣлю же минуша город” – треба тут розуміти “неділю” як тиждень, бо день неділя не припадала на 7 грудня ані в сім, ані в сусідніх роках) і рушили далі 7 грудня”⁶⁴.

Это утверждение представляется спорным. Нам неизвестно средневековое употребление слова “неделя” в его современном значении. Фраза “в неделю же минуша городъ по Микоулинѣ дни на завтри день Богъ избави своею волею и не взаша города”⁶⁵ воспринимается однозначно: воскресение, 7 декабря, поскольку “Николин день” для этой эпохи, безусловно, 6 декабря, а не 9 мая, которое входит в литургическую моду позже⁶⁶. Более того, несложные расчеты указывают, что М. Грушевский ошибался в своем календаре: память свт. Николая 6 декабря приходилась на субботу 1287 г., тогда как неделя на завтрашний день после Николина дня – это 7 декабря 1287 г., память свт. Амвросия Медиоланского. Таким образом, поход Телебути и Ногаю на Польшу начался в конце 1287 г., как об этом свидетельствуют польские хроники⁶⁷.

Итак, Волынская кормчая 6794 г. никак не могла быть написана в период поездки Владимира Васильевича к хану Телебуте перед походом на Польшу: это поход в действительности состоялся уже после ее списания. У нас остается две возможности для определения времени ее создания: март–декабрь 1286 / январь–февраль 1287 гг. и март–декабрь 1285 / январь–февраль 1286 гг., если счет был ультрамартовским. В связи с этим стоит предположить, что князь Владимир Василькович был вынужден ехать к самому Ногаю, дабы оправдаться в

⁶³ Ипатьевская летопись. – Стб. 894–895.

⁶⁴ Грушевський М. Хронологія... – С. 53.

⁶⁵ Ипатьевская летопись. – С. 892.

⁶⁶ Об этом см.: Musin A. Le “second avènement” de saint Nicolas: les origines du culte d’un saint et sa transformation en Europe de l’Est du XIe au XVIe siècle // En Orient et en Occident: le culte de saint Nicolas en Europe (Xe–XXIe siècle), Actes du colloque de Lunéville et Saint-Nicolas-de-Port, 5–7 décembre 2013 / V. Gazeau, C. Vincent, C. Guyon (dir.). – Paris, 2015. – P. 195–226.

⁶⁷ Отметим, что Юрий Селезнев также датирует ордынский поход на Польшу 1287–1288 гг., однако мы не нашли в его труде обоснования этой даты. См.: Селезнев Ю. В. Русские князья... – С. 237, 381, 392. Присутствующие здесь ссылки на литературу (Ве-

селовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды и его время // Записки Российской академии наук. – Петроград, 1922. – 8 сер., т. 13, № 6. – С. 1–58; в действительности о походах в Венгрию и Польшу – С. 30–37), и в особенности на новейшую (Ахмедова А. О., Муртузалиев С. И. Татаро-монголы в Болгарских землях (XIII–XIV вв.) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир: сборник тезисов XVII конференции памяти В. Д. Королюка. – Москва, 1998. – С. 10–12; Шетяля В. М. Борьба Польского государства с вторжениями татаро-монгольских войск // Славяне... – С. 149–151), неспособны ничего объяснить и не избавляют автора от необходимости обоснования своей хронологии. Венгерский поход также смещен в это построениях на один год: 1286–1287 г.

своем отсутствии во время венгерского похода. Эта поездка не попала в летопись, однако известие о ней сохранилось в выходной записи Кормчей. Стоит предположить, что 6794 г., указанный в Номоканоне, это конец 1285 г. – начала венгерского похода согласно построениям историков. Польский поход мог отстоять от венгерского не на один, а на два года.

Если наше предположение справедливо, то в пределах Галицко-Волынской державы в конце XIII в. могли использовать ультрамартовский стиль. Это не позволяет исключить вероятность изготовления колокола святого Юра в период с марта 1340 г. по февраль 1341 г. Однако такая возможность представляется маловероятной. Очевидно, что отливка колокола во Львове стала возможно после прекращения походов короля Казимира и стабилизации военно-политической обстановки после 1340 г.

Хронология львовских событий 1340–1341 гг. восстановлена М. Грушевским⁶⁸. Эту событийную канву мы принимаем за основную. Несомненное участие в отливке колокола европейского мастера, прибывшего для этой цели во Львов и воспользовавшегося навыками кириллического письма Якова Скоры, более соответствует ситуации 1341 г. Это находит подтверждение и в грамоте Дмитрия Дядко от февраля-июня 1341 г., адресованной магистратам и купцам Торуня с приглашением беспрепятственно приезжать во Львов в связи с примирением с королем Казимиром⁶⁹. Возможно, мастер колокола прибыл в город вместе с этой волной купцов и ремесленников, вдохновленных новыми обстоятельствами.

Представляется, что такая волна способствовала и притоку капитала во Львов и Львовскую землю, который мог быть употреблен на создание колокола. Поступление пражских грошей в это время зафиксировано кладами из Львова (ул. Клепарівська, 17), Калуша⁷⁰ и Демидова на Днестре (Молотовский клад)⁷¹, попавшими в землю не позднее 1340-х годов. Для этих кладов с эмиссиями Карла I и Вацлав II характерно преобладание монет Яна I Люксембургского⁷². Очевидная роль Львова и Галицкой земли как транзитного пункта в потоке европейского монетного серебра на восток в это время подтверждается и находкой двух обрезанных пражских грошей Яна I Люксембургского на теорритории села Польный Мукаров (Дунаевецкий р-н, Хмельницькая обл.) совместно с медной монетой хана Узбека (1313–1341) и перстнями с “галицкими геральдическими эмблемами”, т.е., очевидно, – изображениями птиц⁷³. В условиях поступления европейского

⁶⁸ Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. – Львів, 1905. – Т. 4: XIV–XV віки – відносини політичні. – С. 22–30.

⁶⁹ Купчинський О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть: Дослідження. Тексти. – Львів, 2004. – С. 194–200. – № 13.

⁷⁰ Рожко М. Празькі гроші на теренах Львова у першій половині XIV століття (За матеріалами археологічних розкопок) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. – Київ; Львів, 2004. – Т. 1. – С. 619–636; Мацкевий Л. Г. Археологічні пам'ятки Львова. – Львів, 2008. – С. 112, 136–138. – Рис. 128–131.

⁷¹ Грушевський М. С. Молотівське срібло: Археологічна замітка // Його ж. Твори: В 50 т. – Львів, 2004. – Т. 6. – С. 301–366.

⁷² Козубовський Г. А. Празькі гроші XIV–XV ст. з археологічних пам'яток України // Археологія. – Київ, 2010. – № 4. – С. 60–69 (здесь с. 63, 64); Його ж. Про шляхи надходження пражських грошей до Східної Європи (XIV–XV ст.) // Український історичний журнал (далі – УІЖ). – Київ, 2012. – № 5. – С. 39–51 (здесь с. 45).

⁷³ Його ж. Про грошовий обіг на Галицько-Волинських землях у першій половині XIV ст. // УІЖ. – Київ, 2016. – № 1. – С. 38–49 (здесь с. 41); Миська Р. Г. Нові знахідки “болярських” перснів // Тези доповідей III Міжнародної наукової конференції “Пам'ятки Тустані в контексті освоєння Карпат у доісторичну добу та в середньовіччі; проблеми їх збереження та використання”. Львів–Урич, 7–8 квітня 2016 року. – Львів,

монетного серебра церковные организации, не обремененные ордынским налогом⁷⁴, могли аккумулировать финансовые средства для собственного развития. Именно они и были пущены на изготовление Свято-Юрского колокола.

Мы недостаточно знаем о времени и обстоятельствах отливки колоколов на территории Восточной Европы. Однако знакомство с опубликованными колокольными надписями, содержащими указания на день и месяц их изготовления, не позволяют выявить какого-либо предпочтительного времени года. Здесь фигурируют такие месяцы как январь, март май, август, сентябрь, декабрь⁷⁵. С учетом известного нам письма старосты Руськой земли Дмитрия Дядко, правильно считать, что колокол святого Юра был отлит во второй половине 1341 – начале 1342 г.

При этом нельзя не обратить внимание на важное для Восточной Европы временное совпадение. В 1340-е годы здесь отливают колокола не только во Львове, но и Новгороде и Москве. Под 1342 г. Новгородская летопись сообщает: “повеле владыка Василий слить колокол велик к святой Софии и привезе мастера с Москвы, человека добра именем Бориса”⁷⁶. Четыре года спустя, в 1346 г. “на Москве князь великий Симеон Иванович и з братьею своею Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем слиаща три колокола больших, а два меньших, и лил их мастер Борис Римлянин”⁷⁷. Некоторые исследователи полагают, что в 1340-е годы в Москве уже имелся “крупнейший на Руси центр литейного дела”, “работал (хотя бы эпизодически) литейный двор и возглавлял его выдающийся европейский мастер с русским именем, возможно, западнославянского происхождения”⁷⁸. Делались попытки уточнить время приезда европейского мастера Бориса Римлянина в Москву. Так, Евгений Голубинский считал период 1338–1342 гг. временем “водворения литейного колокольного дела” в это городе⁷⁹. Нижняя дата определялась летописным сообщением 1339 г. о том, что после казни в Орде тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора “князь велики Иван Данилович Калита взял из Твери колокол от церкви святого Спаса на Москву”⁸⁰. Историк объяснял это решение тем, что в то время московский князь еще не имел своего колокольного мастера.

Однако, учитывая противостояние тверских и московских Рюриковичей, стоит признать, что в данном случае мы имеем дело со средневековым жестом, символически и ритуально унижающим поверженного противника, где колокол выступает как персонификация города. Это, как кажется, понимал уже

2016. – С. 67–70; Мусин А. Перстни с изображением птицы в Галицко-Волынской земле XIV в.: к вопросу о происхождении и интерпретации // Тези доповідей... – С. 70–74.

⁷⁴ Ср.: Берест В. А. Археологічні дослідження давнього монастирського комплексу в Уневі 2000 р. // Археологічні дослідження Львівського університету. – Львів, 2000. – Вип. 4. – С. 267–290.

⁷⁵ Бондаренко А. Ф. История колоколов... – С. 205–253 (особ. с. 209–210, 224, 226).

⁷⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А. Н. Насонов. – Москва; Ленинград, 1950. – С. 354 (6850 [1342]).

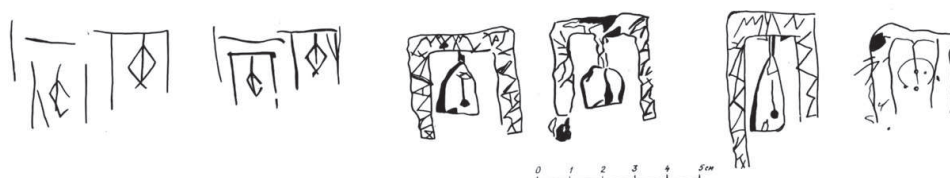
⁷⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью //

ПСРЛ. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. 10. – С. 217 (6854 [1346]). Ср.: Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Санкт-Петербург, 1856. – Т. 7. – С. 210 (6854 [1346]): “Того же лета на Москве слиты быша 3 колоколы больших да два малых: а лил мастер Бориско”.

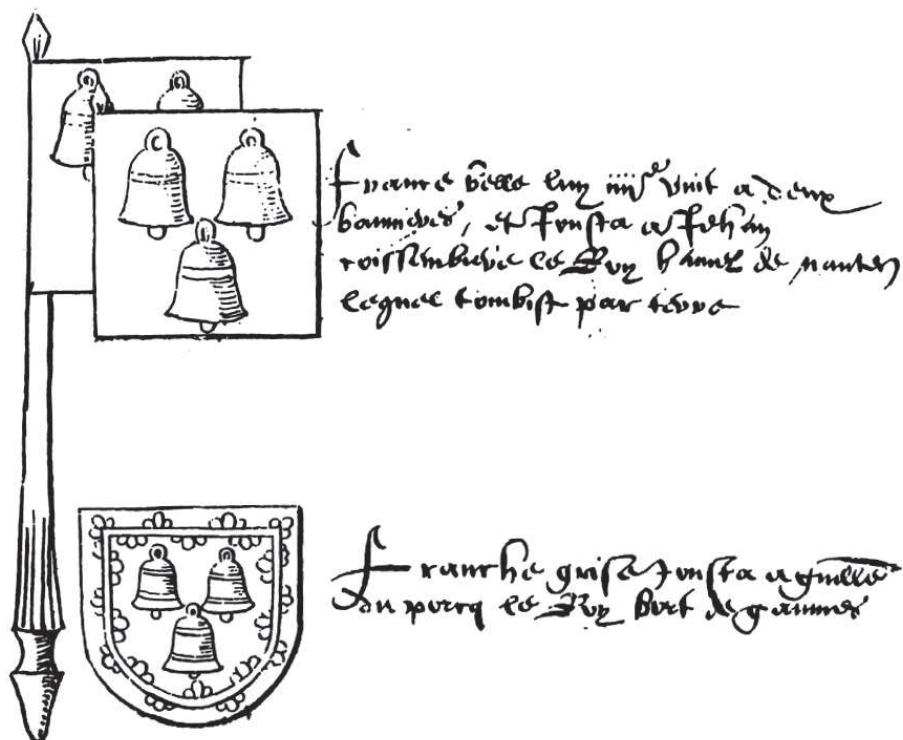
⁷⁸ Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII века // Колокола: история и современность – 1990. Сборник статей / Отв. ред. Б. В. Раушенбах. – Москва, 1993. – С. 75–118 (здесь с. 78).

⁷⁹ Голубинский Е. Е. История русской Церкви. Период второй, Московский. – Москва, 1904. – Т. 2, ч. 2. – С. 385.

⁸⁰ Летописный сборник... – С. 211 (6847 [1339]).

Граффити с изображением колоколов: фотография и прорись. Конец XII–XIII в., церковь св. ап. Иоанна Богослова, Луцк, Украина. Раскопки М. В. Малевской, 1986 г. НА ИИМК РАН

Геральдические изображения колоколов на гербе и хоругви в рукописи 1330 г. из Турне, Королевская библиотека, Брюссель, Бельгия, MS 7383 (no: Armorial des XXXI rois de Tournai – F. 23, 24)

Николай Карамзин, который полагал, что новые тверские правители Константин и Василий Михайловичи в знак своей зависимости от князя Ивана “должны был отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол отменной величины, коим славились Тверитяне”⁸¹.

Таким образом, мастер Борис должен был появиться в Москве до 1342 г. безо всякой связи с “московской” ссылкой тверского колокола. В этой связи трудно преодолеть исследовательское искушение приписать Борису Римлянину и изготовление Свято-Юрского колокола 6849 г., после чего, зарекомендовав себя как “человек добр”, он и был приглашен в Москву и Новгород. Впрочем, нам кажется более логичным иной исторический сценарий: европейские мастера, изготавлившие колокола новых “готических” форм, появляются в крупных церковно-политических центрах Восточной Европы практически одновременно. Это объяснялось, по нашему мнению, конвергентностью развития восточноевропейских обществ, их вниманием к европейской литургической моде, вбиравшем в себя появлявшиеся новшества, определенным экономическим подъемом княжеского и церковного хозяйства середины XIV в., а также расширением европейских рынков сбыта ремесленной продукции, сопровождавшимся миграцией мастеров. Отметим, что именно в это время в Западной Европе происходит активное становление колоколотейного дела в новых формах, запечатлевшее себя в конкретных экземплярах *in situ* и в музейных коллекциях. Так, в Лондоне известен колокол мастера Петра де Вестона из аббатства Блэкмор, отлитый около 1340 г.⁸²

Чтобы завершить тему обстоятельств создания колокола святого Юра, обратимся к известным нам изображениям колоколов той эпохи. Образы колоколов, отлитых в Москве в 1346 г., сохранились только в миниатюрах XVI столетия⁸³, в силу чего не могут являться историческим источником. Наиболее географически и территориально близкими оказываются граффити, запечатлевшие колокола на стенах собора святого Иоанна Богослова в Луцке, которые могут быть датированы концом XII–XIII вв.⁸⁴ (рис. 4). Интересно, что здесь представлены колокола разных форм, что, возможно, должно восприниматься датирующим признаком и отражением смены литургической моды в XIII в. Второй особенностью является графическая передача их крепления на п-образных, очевидно, деревянных звонницах. Изображения хомута и оцепы не прослеживаются, хотя их “отсутствие” можно объяснить схематичностью рисунка. Стоит предположить, что изначально колокол святого Юра мог находиться на подобной открытой звоннице. Столь же схематичны и геральдические изображения колоколов на гербах и хоругвях дворян из Турне из рукописи 1330 г. Королевской библиотеки в Брюсселе (MS 7383)⁸⁵, хотя они полнее передают профиль колоколов той эпохи (рис. 5). Колокол святого Юра продолжает оставаться уникальным источником визуальной информации о европейских колоколах 1340-х годов.

⁸¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12-ти томах. – Москва, 1992. – Т. 4. – С. 139.

⁸² Weston Peter de. “Church Bell of Blackmore Priory” // *Medieval London*, accessed August 20, 2018, <http://medievallondon.ace.fordham.edu/items/show/37>.

⁸³ См.: Бондаренко А. Ф. Колокола на миниатюрах Лицевого летописного свода

XVI в. – Москва, 2014.

⁸⁴ Ср.: Хилько М. Давньоруські графіті церкви Івана Богослова в Луцьку // *Старий Луцьк: Науково-інформаційний збірник*. – Луцьк, 1998. – С. 162–163; Терський С. В. Лучеськ X–XV ст. – Львів, 2006. – С. 191, 188. – Рис. 163.

⁸⁵ Armorial des XXXI rois de Tournai / Ed. M. Popoff // *Documents d'héraldique médiévale*. – Paris, 2008. – Vol. 8. – P. 36. – No 105, 101.

4. Колокол святого Юра “изнутри”: химический состав металла в контексте меднолитейного производства позднесредневековой Европы

В начале 1980-х годов в лаборатории Института истории материальной культуры РАН, в то время – Ленинградского отделения Института археологии был произведен анализ химического состава металла Свято-Юрского колокола⁸⁶. Результаты анализа представлены следующим процентным соотношением элементов: Cu – 72,5%, Sn – 18,0%, Pb – 2,0%, Zn – 0%, Ag – 0,11%, As – 0,8%, Bi – 0,11%, Sb – 6%, Fe – 0,4%, Co – 0,018%, Ni – 0,06%. Как видно из приведенной последовательности, сумма примесей чрезвычайно высока – 7,49%, что достигается, в основном, за счет рекордно высокого содержания сурьмы – 6 %. Нам остается неизвестным, как именно и из каких частей колокола Татьяна Шашкина брала пробы для исследования. Однако сохранившиеся в ИИМК РАН архивные материалы, в том числе фотопластинка № 526-27 со спектрами, полученными в результате анализов, подтверждают достоверность представленных данных⁸⁷.

В компанологических публикациях, характеризующих химический состав бронзы колокола святого Юра, можно встретить утверждение об увеличении при посредстве повышенного содержания сурьмы пористости и крупнокристалличности сплава, что снижает акустические характеристики колокола. Это утверждение неверно. Сурьма является естественной примесью меди и свинца и ее присутствие в сплаве приводит к плотности отливки, а не к образованию раковин. Высокий процент сурьмы в колокольной бронзе Свято-Юрского колокола может объясняться стечением обстоятельств или отражать местный региональный характер меди⁸⁸, тем более, что колокола XVI в. из Старого Самбора, домниканского и бернардинского костелов во Львове также характеризуются повышенным содержанием сурьмы (2,5%, 1,3% и 1,6% соответственно).

Однако 6% сурьмы – рекордно высокие. Возможно ли предложить верифицируемые гипотезы, объясняющие обстоятельства и происхождения сырья для колокола святого Юра? Так, в обстоятельном исследовании Елены Форшелл, посвященном добыче меди и меднолитейному производству в раннесредневековой Европе, высокий процент сурьмы колокола святого Юра отмечен, но никак не объяснен; при этом автор пребывала в полной уверенности, что Львов находится в России⁸⁹. Принято считать, что медь и медные сплавы в IX–XI вв. поступали в Восточную Европу из Прибалтики и Скандинавии⁹⁰, тогда как в XIII–XV вв. это сырье имело центральноевропейское происхождение. Здесь преобладал металл, добытый на землях Венгрии, в Восточных Альпах и Нижней Силезии, который через Краков и Данциг (польск.: Гданьск) поступал на

⁸⁶ Шашкина Т. Б., Галибин В. А. Памятники древнерусского колокольного литья: предварительные результаты химико-аналитического исследования // Советская археология. – Москва, 1986. – № 4. – С. 236–242.

⁸⁷ О методике исследований см.: Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник // Труды, Институт истории материальной культуры. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 4. – С. 50.

⁸⁸ Благодарю за консультации аналитика ИИМК РАН А. Н. Егорькова.

⁸⁹ Forshell H. The inception of copper mining in Falun: relation between element composition in copper artifacts, mining and manufac-

turing technology and historic development with particular emphasis on copper from the Falu mine, Theses and papers in archaeology. – Stockholm, 1992. – P. 113, 117.

⁹⁰ Ениосова Н.В. Химический состав цветного металла из Гнездова // Исторический журнал: научные исследования. – Москва, 2016. – № 6. – С. 724–733.

⁹¹ Forshell H. The inception of copper mining in Falun. – P. 114; Ениосова Н. В., Сингх В. К., Степанов А. М. Сырьевые слитки новгородских ювелиров // “Нескончаемое лето”. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. – Москва; Великий Новгород, 2018. – С. 62–73 (здесь с. 71–72).

Балтику⁹¹. Однако процент содержания сурьмы в медном сырье, доступном изучению, обычно невысок. Так, для крупных слитков XV в. (12 и 17,8 кг), найденных в Новгороде, характерна химическая неоднородность: их основу составляет медь (80–92%) с примесями никеля (1–3%), мышьяка (0,5–5%), сурьмы (0,5–2%), олова (0,5%), свинца (до 1%), серебра (0,2–1%) и висмута (~0,5%)⁹². Мы видим, что содержание сурьмы существенно отличается от состава металла львовского колокола. Необходимо, однако, учесть, что исследованные слитки уже были специально приготовлены для продажи и последующего ремесленного использования.

В то же время в публикациях встречается утверждение, будто незначительный процент сурьмы (0,2–1,0 %) в колокольной бронзе может быть сознательной добавкой, улучшающей качество колокола, а для периода для периода 1150–1560 гг. этот процент мог даже составлять 3,3–3,94%⁹³. Такое разброс количественных показателей для достижения практических результатов представляется плохо объяснимым. В то же время существует убедительная серия анализов химического состава металла для позднесредневековой медной посуды больших форм, исследованной на памятниках Англии. Здесь процент сурьмы может достигать 4,9–6,1%⁹⁴, при этом и колокола, и медные котлы отливались в сходных условиях и в одних и тех же мастерских⁹⁵.

Очевидно, что речь может идти о разной степени очищения металла в целях производства соответствующих артефактов. Повышенный процент сурьмы в медном сырье Центральной Европы исследователи наблюдают уже с эпохи ранней бронзы, в том числе и до интересующих нас 6% на шахтах Велема в Восточных Альпах, сегодня на территории Венгрии⁹⁶. Появление медного сырья с высоким содержанием примесей на европейских рынках обычно связывают с упадком шахт в Фаллун в Швеции и началом разработки поверхностных руд в Венгрии и в Гарце⁹⁷.

Итак, использование для отливки Свято-Юрского колокола медного сырья, добытого в соседних с Львовской землей регионах, представляется логичным. Именно медь из Восточных Альп, Венгрии и Гарца обладала, как можно судить по результатам анализов, сходным химическим составом. Известно, что при подготовке сырья для литья мастера добывались необходимого уровня его чистоты,

⁹² Гайдуков П. Г., Олейников О. М. К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина, Великий Новгород, 28–30 января, 2014 г. / В. Л. Янин (отв. ред.). – Великий Новгород, 2014. – Вып. 28. – С. 263–266; Их же. Новые археологические свидетельства новгородско-ганзейской торговли цветными металлами в XV веке // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани / А. Г. Ситдинов (отв. ред.). – Казань 2014. – Т. 3. – С. 238–241; Ениосова Н. В., Сингх В. К., Степанов А. М. Сырьевые слитки... – С. 66.

⁹³ Nadolski M. The Evaluation of Mechanical Properties of High-tin Bronzes // Archives of Foundry Engineering. – Warszawa, 2017. – Vol. 17(1). – P. 127–130; Audy J., Audy K. Analysis

of bell materials: Tin bronzes // China Foundry. – Shenyang, 2008. – Vol. 5(3). – P. 199–204.

⁹⁴ Dungworth D., Nicholas M. Caldarium? An antimony bronze used for medieval and post-medieval cast domestic vessels // Historical Metallurgy. – Northill, 2004. – Vol. 38(1). – P. 24–34.

⁹⁵ Butler R., Green C. English bronze cooking vessels and their founders 1350–1830. – Honiton (Devon), 2003. – P. 30.

⁹⁶ Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. The determination of lead isotope ratios by multiple collector ICP-MS, a case study of Early Bronze Age artefacts and their possible relation with ore deposits of the Erzgebirge // Archaeometry. – Oxford, 2003. – Vol. 45. – P. 61–100; Forshell H. The inception of copper mining in Falun. – P. 28, 148.

⁹⁷ Pollard A. M., Heron C. Archaeological Chemistry. – London, 1996. – P. 218.

достигаемого в процессе “выпаривания” примесей, в т.ч. и сурьмы. Значительный процент примесей в теле колокола святого Юра может свидетельствовать как о первых поставках такой меди на рынок, который еще не сориентировался в ее химических свойствах, так и о недостаточной квалификации мастера, не сумевшего добиться нужного качества металла для изготовления колокола.

5. Колокол святого Юра: источниковедческие возможности надписи

В заключительной части нашей статьи стоит вернуться к вопросу о надежности историографических сюжетов, связанных с колоколом как историческим источником. “Выходная” надпись колокола всегда являлась отправной точкой для многочисленных “ученых построений”. Однако существующие интерпретации зачастую не только превосходят источниковедческие возможности короткого текста, но и выходят за рамки гипотезы, превращаясь в “установленные исторические факты” локальной истории. Попробуем определить эти возможности и рамки.

Прежде всего, надпись свидетельствует об уровне мастерства и грамотности литейщика и писца. Ситуация, когда колокол отливался неграмотным мастером, а подпись делалась другим грамотеем, зафиксирована на протяжении Средневековья и Нового времени неоднократно. Так, она отражена в надписи на колоколе патриарха Никона 1666 г., отлитого для Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой: “Лил колокол тояж обители монах Сергии, подписал монах Паисей”⁹⁸.

В истории Свято-Юрского колокола, мастер которого был, скорее всего, европейцем, не владевшим кириллическим письмом, разделение функций тем более очевидно. Отметим, что буква “зело”, непривычная человеку латинской культуры, в силу этого единственная оказалась не “перевернута” при изготовлении формы. Также нестандартностью надписи для европейских колоколов стоит объяснять тот факт, что мастер не сумел поместить ее в окружность. Особенности нанесения надписи от имени грамотея заставляют предположить, что Яков Скора не был сведущ в технологии нанесения надписей для отливки, отчего его автограф отразился зеркально. Это исключает любые рассуждения о “тайнописи”. Дополнительно заметим, что буквенная инвокация ICXC NIKA, также неизвестная в латинской культуре и сделанная без учета на предстоящую оливку, была нанесена им самим без участия мастера как дополнительный элемент “православности” колокола, заимствованного из латинской культуры и изготовленного ее представителем. Таким образом, правы те исследователи, которые видят в Якове писца, а не литейщика, в зеркальности надписей – его неопытность в литейном деле, а в авторской подписи – самовольную прибавку⁹⁹.

Несколько слов стоит сказать о содержании надписи, прежде всего – исторических личностях, в ней упомянутых. Независимое подтверждение крепостильного имени князя Любарта – Дмитрий делает несостоятельной гипотезу об упоминании в надписи Дмитрия Дядко, capitaneus Ruthenorum, который, в отличие от своего предшественника XIII в. Владислава Кормилчича, никогда себя не именовал князем¹⁰⁰. Признание за Любартом княжеского титула во

⁹⁸ См.: Золотов Ю. М. Колокол патриарха Никона // Советская археология. – Москва, 1964. – № 2. – С. 242–243.

⁹⁹ См., напр.: Уваров А. С. Галиция. – С. 36–38.

¹⁰⁰ Дискуссию см. в: Зубрицкий Д. И. Критико-историческая повесть... – С. 78–87; Его

же. Аноним Гнезненский... – С. 83–84; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. – Киев, 1887. – С. 210; Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие: Исторические очерки. – Санкт-Петербург,

Львов не позволяют уточнить характер осуществляемой им власти, хотя и несколько корректирует традиционные историографические представления о времени и обстоятельствах включения города в состав Польского государства в 1340-х годах, а также об определенном экономическом подъеме города в это время. В данном случае надпись является лишь хронологическим идентификатором, что не позволяет видеть в колоколе “памятник победы над королем Казимиром” или же полагать, что его могли отлить “в честь присоединения Львова к Литовской державе”¹⁰¹.

Столь же информативна оказывается надпись и в отношении ранней истории монастыря святого Юра. Оставаясь на строго научной позиции, это единственное раннее упоминание монастыря¹⁰² позволяет сделать лишь два умозаключения: в конце 1341–начале 1342 г. монастырь существовал и для его нужд был отлит колокол. Предположение, что в это время была построена новая, да еще и каменная церковь, основывается на дедуктивных допущениях, не являющимися доказательными. В их основе лежит содержащееся в письменных источниках повествование о взятии Львова королем Казимиром в 1340 г., где о судьбе города и тем более монастыря ничего не сообщается¹⁰³.

Современные исследования способны лишь проследить легендарную традицию “изобретаемой истории”¹⁰⁴, как она сохранилась в компилятивных рукописях XVIII в., именуемых обычно “Метрика” и “Хроника (Книга деяний)” монастыря святого Юра, содержание которых восходит к труду Бартоломея Змировича (1597–1677)¹⁰⁵. Именно оттуда сегодня заимствуется дата основания монастыря и постройки первой церкви святого Юра – 1280 г. Однако еще в 1779 г. специальный Императорско-королевский местный суд Галиции и Ладомерии признал эти сведения ничтожными для установления точно даты основания монастыря как непроверенные историками и не соответствующие хронологии¹⁰⁶.

Несмотря на то, что в литературе признается отсутствие известий о судьбе ранней церкви после 1340 г. в современных ей хрониках, бытующие мнения опираются на описанные выше реконструкции XVIII в. и предполагают, что именно для восстановленной или новопостроенной церкви после

1890. – С. 82; *Линниченко И. А.* Критический обзор современной литературы по истории Галицкой Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1891. – № 5. – С. 160; *Грушевський М.* Історія України-Руси. – Т. 4. – С. 140–141; *Андрусак М.* Останні Романовичі (нащадки Мстислава і Романа Даниловичів) // Науковий збірник КВУ. – Мюнхен, 1948. – Вип. 5. – С. 201–245; *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. – Нью Йорк, 1958. – С. 151; *Петрик А.* Великий галицький боярин Дмитро Детко і його рід // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич, 2009. – Вип. 13. – С. 33–44; *Волощук М.* Проблема васальної залежності Дмитра Детка від угорського короля Людовика I // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2012. – Вип. 6 / Відпов. ред. В. Александрович. – С. 269–279.

¹⁰¹ *Зубрицький Д. И.* Критико-историческая повесть... – С. 78–87; *Кіндратюк Б. Д.* Дзвонарська культура... – С. 193–194.

¹⁰² *Дибя Ю.* Невикористані писемні свід-

чення про початки церкви св. Юра у Львові // Вісник Львівського університету. Серія мистецтвознавство. – Львів, 2005. – Вип. 5. – С. 151–159 (здесь с. 151).

¹⁰³ Обзор источников см. в: *Грушевський М.* Історія України-Руси. – Т. 4. – С. 22–30.

¹⁰⁴ *Дибя Ю.* Невикористані писемні свідчення... – С. 151–159 (здесь с. 151).

¹⁰⁵ *Xięga Dziejów czyli Historie z Dyspozycji i Rozkazu Przewielebnych Przełożonych Prowincyi Ruskiej Z. S. Bazylego W. w Monasterze Lwowskim pod tytułem S. Jerzego M. Dla pamiątki starożytności i dawności Tegoż Monasteru Zebrane i Spisane* // ЛННБ ВР. – Ф. 5 (Збірка Осолінських). – Оп. 1. – Спр. 2112/II; *Annales Leopolienses Monasterii S[ancti] Basilii 1763–1771 (Acta Monasterii Leopoliensis Ordinis S[anc]ti. Basilii Magni Tituli Sancti Georgii Megalomartyris. Annus X[ris]ti 1763)* // ЛННБ ВР. – Ф. 5. – оп. 1. – Спр. 2086/II.

¹⁰⁶ *Купчинський О.* Акти... – С. 1082–1083.

гипотетического разорения Казимира был отлит интересующий нас колокол¹⁰⁷. Однако непредвзятое прочтение сохранившихся текстов свидетельствует, что сообщение о строительстве новой церкви в 1341 г. здесь непосредственно зависит от кириллической надписи на колоколе святого Юра 6948 г.¹⁰⁸

Представляется, что точно также от надписи на колоколе и последующий интерпретационных рассуждений зависит и “история” игумена Евфимия. Утверждение, что он был третьим игуменом монастыря в 1340–1364 гг., по нашему мнению, не имеет никакой ценности. Это – яркий пример симметричной “генерационной” интерпретации, некогда примененной составителем Повести временных лет для ранней истории Восточной Европы, не имевшей точной хронологии¹⁰⁹. Авторы хроник имели перед собой две даты: гипотетическую дату Б. Зиморовича – 1280 г., и дату взятия Львова королем Казимиром – 1340 г., тесно связанную с датой отливки колокола 1341/1342 гг. Источник третьей даты – 1363 г., строительства нового храма архитектором Доре, представляется неустановимым. Однако это не помешало хронисту нового времени, живущему средневековыми стереотипами, поделить первые 60 лет истории монастыря между “двумя игуменами”, что примерно соответствовало двум поколениям в 30 лет, а игумену Евфимию отдал следующую 20-летнюю генерацию – новый период монастырской истории. В действительности, все, что мы знаем о нем – его игуменство в 1341/1342 гг., когда и был отлит колокол святого Юра. Об этом, и только об этом нам и сообщает его “выходная надпись”.

Колокол святого Юра имел свою удивительную историю. Лишь ее незначительная часть приоткрыта для нас его надписью, особенностями химического состава металла, рамками допустимых гипотез. Однако зачастую эхо его звона в историографии оборачивается “медью звенящей” из послания апостола Павла (1 Кор. 13: 1) или известной поговоркой, выбранной нами в качестве эпиграфа к настоящей статье. Почтенная древность памятника налагает на историка дополнительные ограничения в виде правды и ответственности, не позволяющие выходить за рамки дозволенного надписью как историческим источником.

Інститут історії матеріальної культури РАН

¹⁰⁷ Дибя Ю. Про архітектуру першої церкви св. Юра у Львові // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя / Редкол. Л. В. Баженов та ін. – Кам'янець-Подільський, 2000. – С. 328–336 (здесь с. 331, ср. с. 333). Ср.: Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa. – Lwów, 1844. – S. 31.

¹⁰⁸ Księga dziejów... – S. 80; Annales... – Арк. 26 зв.–27. Цит. по: Дибя Ю. Невикористані писемні свідчення... – С. 154.

¹⁰⁹ Ср. наблюдения в: Шахматов А. А. История русского летописания. – Санкт-Петербург, 2003. – Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. – С. 6–18.

назва "Горай") могли співвідноситися між собою у дихотомії "поле-гора" з кількома рівнями протиставлення. Літопис та акти XIV–XV ст. також схиляють до думки, що частина белзьких полів, яка лежала "під горами", була відома як Подгор'є.

Ключові слова: літопис, белзькі поля, Розточчя, археологія, поселення, монголи, клімат.

Александр МУСІН

ДЗВІН СВЯТОГО ЮРА 6849 РОКУ:
МІЖ ЛЬВОВОМ, ПЛОЦКОМ, ПЕТЕР-
БУРГОМ І ТЕРЕБОВЛЕЮ

Проаналізовано історіографію вивчення дзвону святого Юра 6849 р. зі Львова й оцінено потенціал його кириличного напису 6849 р. та хімічний склад металу як історичне джерело. Вперше опубліковано фотографія дзвону, а також прорис надпису, які наприкінці XIX ст., правдоподібно, зробив Ісидор Шараневич. Фото попало до архіву Імператорської археологічної комісії в 1897 г. через Польську академію знань у Кракові завдяки російському чиновникові в Плоцку, Царство Польське, і дослідникові польської історії Григорію Воробйову. відзначено відсутність серйозних досліджень в російській історіографії, присвячених дзвоні, де утвердилася помилкова думка, що його первісно виготовлено для монастиря святого Георгія у Теребовлі. Іменування дзвону "теребовельським" пояснює його посвячення Теребовельській іконі Богородиці, перенесеній до Львова в 1675 р. Уточнена дата виготовлення дзвону як друга половина 1341 – лютий 1342 р. Вона відповідає новій політичній ситуації у регіоні після примирення Львова з королем Казимиром, приїзду європейських купців і майстрів, активного надходження до міста празьких грошів, що забезпечило економічні умови для відливання дзвону. Відзначено, що виготовлення нових дзвонів у 1340-х роках характерне для усієї Європи. Автор інтерпретує високий вміст сурми в металі дзвону (6%) недостатньою кваліфікацією майстра, а також початковою стадією імпорту міді з шахт Угорщини, Гарцу та Східних Альп. На завершення проаналізовано історіографічні приклади, в яких інтерпретації істориків не відповідають інформативній можливості напису як джерела, підтверджено, що дзвін виготовив

the hill-mountain range of Roztochya (the ancient name "Goray") could be correlated with each other like dichotomy "field – mountain", which had several levels of opposition. Chronicle and acts of XIV–XV centuries also inclined to think that part of the Belz fields, which was "under the mountains", was known as Podgorye.

Key words: chronicle, Belz fields, Roztochya, archeology, settlement, Mongols, climate.

Alexander MUSIN

THE BELL OF SAINT GEORGE,
1341/1342 A. D.: BETWEEN LVIV, PŁOCK,
SAINT PETERSBURG, AND TREBOWLA

The present paper analyses the historiography of researches on the bell of 6849 AM from the cathedral of Saint George in Lviv, Ukraine, and estimates the potential of its Cyrillic inscription and chemical composition of its copper alloy as historical sources. The author publishes for the first time the photographs of the bell and the tracing of its inscription made at the end of the 19th century, probably by Isidor Szaraniewicz. All materials were sent to the Imperial Archaeological Commission in St Petersburg, Russia, in 1897 via Polish Academy of Arts and Sciences in Krakow thank to efforts of Gregory Worobjow, Russian administrative official in Plock, Kingdom of Poland, and the researcher of the Polish history. The author notes the lack of serious publication on the bell in Russian historiography, where the erroneous opinion that the bell was originally made for the monastery of St. George in Trembowla was established. The name of the bell "trembowelski" should be explained by its dedication to the Icon of the Mother of God transferred to Lviv from Trembowla in 1675 AD. The article indicates the date of the manufacturing of the bell as the second half of 1341 – February 1342 AD. This period corresponds well to the new political situation in the region after reconciling between Lvov and Polish King Casimir III the Great, arriving of the European merchants and craftsmen in the city, and active circulation into the city of Prague groschens that created economic circumstances for the production of the bell. The article also notes that the production of new bells in the 1340s was very characteristic of the whole of Europe. The author interprets the high content of antimony in the metal of the bell (6%) by the insufficient level of the master's qualifications, as well as by the initial stage of

європейський майстер, а Яков Скора був лише писарем, та вказано, що сам напис не може бути використаний як свідчення будівництва нової церкви святого Юра в 1341 р.

Ключові слова: дзвін собору святого Юра у Львові 6849 р., відливання дзвонів, компанологія, історія Львова XIII ст.

Богдана ПЕТРИШАК

УКРАЇНСЬКА ГРОМАДА В СВІТЛІ НАЙДАВНІШОЇ КНИГИ ЛЬВІВСЬКОГО МАГІСТРАТУ (1382–1389 РОКИ)

Найдавніша актова книга магістрату Львова останньої чверті XIV ст. містить згадки про українську громаду, що мешкала в межах магдебурзького міста. Вони обмежені тематикою вписів до книги і стосуються переважно господарської сфери діяльності українців (контракти купівлі-продажу нерухомості, застави). Проте вдалося проаналізувати й інші сторони життя давніх русинів: сімейні зв'язки, територію проживання, стосунки з іншими етнічними групами.

Ключові слова: найдавніша книга львівського магістрату, русини (українці), нерухомість, етнічні громади.

Роман ГОЛИК

(НЕ)ЗНАНЕ МІСТО?: КНЯЖИЙ ЛЬВІВ У СЕРЕДНЬОВІЧНІЙ, РАННЬОМОДЕРНІЙ ТА МОДЕРНІЙ КУЛЬТУРНИЙ ПАМ'ЯТІ

Стаття присвячена еволюції образу середньовічного Львова в писемних джерелах та літературних творах, історичній пам'яті від XIII до початку XXI ст. Показано, як індивідуальні уявлення, ідеологічні преференції, історіографічні концепції, етнічні стереотипи сприяли формуванню й постійній трансформації уявлень про "початковий Львів" упродовж домодерного та модерного часу.

Ключові слова: Львів, писемна культура, культурна пам'ять, історична свідомість.

the imports of copper from the mines of Hungary, the Harz and the Eastern Alps. In conclusion, historiographical examples are analyzed, in which the interpretations of historians do not correspond to the informative possibility of the inscription on the bell as a historical source. The author confirms that the bell was made by a European master, while Yakov Skora was only a calligrapher, and gives the proof that the inscription itself can not be used as evidence of the construction of a new cathedral of St. George in 1341 AD.

Key words: the bell of 6849 AM from the cathedral of Saint George in Lviv, the production of the bell, companologi, History of Lviv in 13th century.

Bohdana PETRYSHAK

THE UKRAINIAN COMMUNITY IN THE OLDEST LVIV MAGISTRACY BOOK (1382–1389)

The oldest Lviv magistracy book of the last quarter of the 14th century contains information of the Ukrainian community living within the magdeburg city. They are limited by the topics of the records to the book and show mainly the economic sphere of Ukrainian activities (contracts for the sale of real estate, mortgages). However, it was possible to analyze and other aspects of life of the ancient Ruthenians: family ties, territory of residence, relations with other ethnic groups.

Key words: the oldest Lviv magistracy book, the Orthodox Ruthenians (Ukrainians), real estate, ethnic groups.

Roman HOLYK

(UN)KNOWN CITY ?: PRINCELY LVIV IN MEDIEVAL, EARLY MODERN AND MODERN CULTURAL MEMORY

The article is devoted to the evolution of the image of the medieval Lviv in written sources and literary works and in the historical memory from the 13th to the beginning of the 21st century. The author shows how individual imagination, ideological preferences, historiographical concepts, and ethnic stereotypes contributed to the formation and transformation of ideas about "initial Lviv" in premodern and modern times.

Key words: princely Lviv, literary culture, cultural memory, historical consciousness.